

В номере газеты «Хакимети Миллие» от 13 января 1934 года некто по имени Ахмет Мугип, ведя речь о статье, посвященной четырехтомной книге «Тарих» и помещенной в журнале «Оркун», выходящей в г. Эдирне, и рассуждая о критике, которую считает («направленной против Турецких государственных принципов, вразрез национально-патриотическому и историческому воспитанию»), обвиняет автора статьи Нихал бей в «пособничестве идеям Заки Валиди бей» и, в целом, проводит мысль о том, что якобы данная статья, похоже, была написана за границей и затем помещена в турецком журнале. В этой связи ведется речь и о моей нравственности и о том, что якобы меня на «Анкарском историческом конгрессе» уличили в «фальсификации исторических источников». Тем самым автор бросил в мою сторону тяжелый камень обвинения. Кроме того, в той же газете «Хакимети Миллие» в номере от 21 января 1934 года депутат от г. Эдирне Шереф бей в одной из своих статей также пишет о моей плохой нравственности, которая, якобы, была разоблачена на известном конгрессе, и пытается поставить черную печать на моей «тридцатилетней» (вернее, 22-летней) деятельности.

Все это я вынужден решительно отвергнуть.

В первую очередь, желаю заявить: я в этом государстве не занимаюсь пропагандой каких-либо исторических взглядов, направленных против исторических воззрений, господствующих в Турции. В отпечатанной форме и в виде конспектов студентов отражено содержание моих занятий, проведенных в свое время в университете. Если в них содержится мысли, не совпадающие с сегодняшними историческими взглядами, то это соображения, написанные и высказанные еще до опубликования книги «Тарих». Сегодня их использование зависит от воли каждого. Во-вторых, если я бы пожелал высказаться против господствующих исторических воззрений, то передо мной нет никакой необходимости выражать это при посредстве других лиц, с помощью «агентов». Если бы я это считал нужным, то написал бы самостоятельно и опубликовал за рубежом или в самой Турции.

Так же, как на Историческом конгрессе я открыто выражал свои взгляды, так и ныне передо мной нет никаких преград, мешающих столь же откровенно их высказывать и публиковать. Если бы я в период своего пребывания за границей самостоятельно или посредством других занимался пропагандой каких-либо иных взглядов в Турции, то тем

* Стамбул, 1934 (Türkistan Bilik, № 3).

обеих книгах. Свою записку о книге «Тарих», также по рекомендации председателя Сообщества и Конгресса предоставил Конгрессу и разъяснил и ее содержание. И в этом случае по рекомендации председателя разделил ее на две части и два раза и дважды выступал. Из-за того, что в тот момент у меня не было возможности защитить себя от тех, которые ответили на мои выступления, требовалось изложение своих взглядов в виде книги. Однако тогда для этого я не смог найти ни возможности, ни материальной поддержки. Свои мысли по вопросу о переселениях, не связывая их с дискуссиями в Анкаре и с публикациями в Турции по историческим вопросам, более того, решительно отмежевываясь от этих воспоминаний, в прошлом году я вновь изложил как абстрактную научную проблему, и они будут опубликованы в каком-либо журнале одной из Академий Наук под названием «Плотность населения, явившаяся причиной переселений внутри Средней Азии и за ее пределы». Ввиду то, что мысли, изложенные на Конгрессе, разъяснены во всех подробностях и указаны все первоисточники, можно считать цель достигнутой. Возможно в будущем, если это мне покажется целесообразным, данную статью опубликую и на турецком языке, а свои записки, напечатанные в материалах Конгресса в извращенной форме, я добавлю к статье в форме приложения в том виде, в каком рукопись находится в руках председателя Конгресса. Однако этот вопрос не из числа срочных: и истина, относящаяся к нему, не может считаться запоздалой, когда бы она ни была прояснена.

Для завершения ответа на обвинения о моем вмешательстве во внутренние дела Турции из-за границы я должен объяснить причину моего приезда в Европу и чем я здесь занимаюсь. Между 1923–1932 годами, в течение десяти лет, в библиотеках Ирана, Афганистана и в особенности Турции я собрал целый ряд источников, относящихся к истории тюркской культуры, экономики и исторической географии. Живя в Стамбуле, обладающем богатыми библиотеками, каждый день находил что-то новое, и вся жизнь протекала в собирании источников, но у меня не оставалось времени для обработки этих источников. С другой стороны, в Стамбуле отсутствовали необходимые современные средства, некоторые научные издания. В сущности, для обретения возможности работы над этими источниками и, пользуясь случаем, для изучения необходимых в моей исследовательской работе древних языков и вспомогательных наук, я в 1931 году попросил у руководства Стамбульского университета двухгодичную стажировку. Получив согласие филологического факультета на стажировку, в том же году я начал ее в Венском университете. Однако, совет Стамбульского университета не утвердил решение факультета и я вынужден был к концу года вернуться в Стамбул. Позже, зимой, обратился в управление Президента республики с письменным заявлением с просьбой о разрешении, но безрезультатно. Наконец, весной 1932 года в университете произошел инцидент в форме доноса на мои занятия по истории, в

самым дал бы основание усомниться в искренности моих исторических убеждений, а также моих усилий на Анкарском Конгрессе, направленных против ложных обвинений. Напротив, что касается меня, то я считаю, что правомерно и возможно существование самых различных форм понимания национальной истории и я верю, что с каких бы точек зрения ни изучалась и осмысливалась национальная история, народу от этого будет только польза. Эти свои мысли открыто изложил и в своей записке, предоставленной 9 июня организатором известного Конгресса, и я и сейчас остаюсь верен изложенным мною тогда взглядам. После Конгресса, находясь в Стамбуле, ежедневно встречался с друзьями, позже время от времени переписывался с ними по своим частным делам, а также за рубежом встречался с турецкими интеллигентами. Однако никто из них не сможет что-либо сказать о том, что я высказывал какие-либо отрицательные суждения о господствующих в Турции исторических воззрениях, что написал против них хотя бы одно предложение или кому-либо внаудал противоположные мысли. Напротив, найдется несколько свидетелей, которые будут утверждать диаметрально противоположное.

Сверх того хотел бы высказать и следующее.

Борьба против господствующих в Анкаре исторических взглядов — положение в корне немыслимое, и оно невозможно для меня и в будущем. Попытка критикой расшатывать принятые принципы никогда и не приходила мне в голову. Составленные мною 25 июня 1931 года записка об опубликованной историческим сообществом книге «Ана хатлар» и доклад 29 мая 1932 года о книге «Тарих» были написаны согласно неоднократным и письменным предложениям и прямым указаниям руководства Исторического сообщества. Письма, написанные на мое имя председателями Сообщества М. Тевфиком и Юсуфом Акчурой по этому поводу до сих пор у меня на руках. Экземпляр книги «Ана хатлар», присланные мне ими, потерялся. Они мне выслали еще один экземпляр.

А Юсуф Акчура бей в своем письме написал, что они ожидают мою записку, и если я, будучи преподавателем университета, не напишу свою записку, то это будет плохо воспринято, и моя записка должна представлять собою текст, которым можно будет воспользоваться в новом издании книги. В записках я, не затрагивая основные положения, обратил внимание на некоторые из частностей и указал на отдельные хронологические и редакционные ошибки.

Касаясь преимущественно вопроса о причинах переселения тюрков в средние века из Средней Азии, я, противовес идеи о постоянно нарастающей засухе в Туркестане, проводимой в обеих книгах, объяснял причину происшедших переселений ростом численности населения. В этой связи, воспользовавшись случаем, в целях доказательства ошибочности вопроса о засухе, указал также на ошибки о «занесенных песком семнадцати городах», которые нашли место в

особенности по истории Тимура. В целях разъяснения этой ситуации вместе со студентами и коллегами, в составе семи человек, в течение двух месяцев в письменном виде составил текст моих 96-часов занятий, и в результате я был вынужден отложить подготовку и издание в Европе одного из моих больших трудов на целых два-три года. Тратить жизнь и силы из-за чьих-то пустых и несправедливых доносов... Это для меня совершенно нетерпимое положение. Принял решение, что если Министерство не даст разрешения на стажировку, увольняюсь с университета и продолжаю свою научную работу. Разумал у своих друзей, смогут ли они при этом оказать мне материальную поддержку или не смогут.

До поездки в Анкарский Конгресс, расплатившись за жилье, свои книги оставил на хранение в одной из библиотек. Имел намерение просить Министерство сохранить мою заработную плату, в случае отказа освободить меня от должности и в начале августа направиться в Европу. Действительно, с таким намерением сложил свои вещи в чемоданы и направился в Анкару на Конгресс и согласно принятому решению в начале августа расстался со Стамбулом. Если мой уход из университета неожиданно для меня самого совпал с дискуссиями в Анкаре, это, естественно, вызывает у меня чувство сожаления, однако причиной моего путешествия в Европу является не это событие. И сегодня я занят тем делом, которое мною было начато и вынужденно отложено в 1931 году, и я сейчас работаю над тем своим трудом, над которым занимался во время прохождения Конгресса в залах Анкарской торговой школы. Пребывая в Турции ли, в другом ли месте, я всегда работаю по заранее составленному для себя плану научных исследований, хотел бы оставаться таким, и эта моя работа не будет меняться в зависимости от тех или иных событий. И огорчающийся друг, и радующийся враг, представляющие меня как провинившегося или попавшего в ловушку простака учителя, ошибаются. И люди, характеризующие меня всего лишь как бездарного «учителя-интригана», голова которого всецело занята одним единственным событием в Анкаре, заблуждаются. Как не связана моя жизнь лишь с преподаванием истории, так и мои научные интересы не ограничиваются только историей или отдельными историческими воззрениями. Во всех частях света я имею друзей, где угодно смогу честным трудом добывать себе хлеб насущный. С другой стороны, хотел бы откровенно сказать: около полутора лет остаюсь в стороне от турецкой печати и не могу ее регулярно отслеживать. Упомянутого выше третьего номера журнала «Оркун» я до сих пор еще не видел. Короче, я один из тех, кто занят не спорами в Турции, а теми делами, которые интересуют меня самого.

В прошлом году из-за одной сплетни о том, что якобы за границей я занимаюсь пропагандой против Исторического Сообщества и книги «Тарих» 5 марта отправил письмо Министру просвещения и, решительно отвергнув эту сплетню, со всей серьезностью засвидетель-

ствал, что сохраняю постоянную верность содержанию записки, отправленной в свое время председателю Конгресса. Эти измышления и на этот раз вышли на страницах газет, а также до меня дошли новые сплетни. Все это я с глубокой искренностью и с предельной серьезностью еще раз отвергаю. В Турции будет издаваться тысяча и одна книга, в них будут содержаться множество верных и ложных дискуссий, а мне что до этого? Чего же я добьюсь, «взрывая» отсюда бумажные пакеты, или ставя в неловкое положение тех или иных авторов, вовлекая во все это еще и третьих лиц?

В очень суровые моменты своей жизни я обрел убежище в Турции. В ее очень богатых древними источниками библиотеках годами с удовольствием занимался. Нашел хорошую среду учеников и был полезным этой независимой турецкой родине в сфере науки. В течение семи лет в этом государстве я не вмешивался ни во внутреннюю, ни во внешнюю политику, не принимал участия ни в какой партийной и групповой политической борьбе.

Я не припомню, чтобы в Турции обидел кого-либо своим словом или пером. Турция – источник независимой мысли для всей тюркской нации. Сегодня в этом государстве идейной жизнью руководит великий деятель, равный которому редко встречался среди тюркских руководителей на всем протяжении нашей истории. Если я получаю какое-либо распоряжение от этих руководителей, мой долг его исполнить. Я, искренне и от всего сердца испытывая удовлетворение, наблюдаю за великой деятельностью и за успехами Турции в сфере государственного управления и организации войск, экономики и культуры. И желал бы все эти процессы хорошо изучить и, где бы я не пребывал, постараться быть полезным в сфере культуры всего происходящего. В конечном счете эти слова – самое искреннее, что я хотел сказать.

II

Событие Анкарского исторического Конгресса, которое меня наиболее глубоко оскорбило и ввергло в расстройство, это попытки одного из моих старых врагов из России, который, пользуясь тем, что последнее слово принадлежит им, и оно в тот момент не может быть быстро проверено, выступил, обвиняя меня в фальсификациях и в национальном предательстве, говоря все, что приходит ему на язык, попытался свести со мною старые, по его мнению, уфимские, счеты. Я это напомнил после завершения Конгресса и стамбульским журналистам. Однако это не является ни «исторической проблемой», ни «вопросом четырехтомной книги по истории». Этот вопрос является лишь одной страничкой нашей борьбы против политического и общественного течения, организованного за пределами России, по выражению самих Садри Максуди и Гаяз Исхаки беев, «трем татарам». Если моя

110

положение остается таким и сейчас. Гаяз это изобразил и в своей пьесе «Зулейха», постановка которой в Турции была остановлена со скандалом. Это произведение изображает тех из татар, которые не способны свое национальное существование защищать с оружием в руках, при появлении священника выдают себя за крещеного, однако тайно придерживаются ислама. Эта среда «Мюкрехов», ведущих «тайную борьбу» за религию, и изображена как идеал национальной борьбы в упомянутой пьесе, которая кажется Гаязу и Садри «шедевром». Несмотря на то, что все это является совершенно противоположным духу кавказских мусульман и других тюрков, Гаяз Исхаки пьесу «Зулейха» в 1917 году предложил вниманию представителей мусульман всей России, собравшихся на Московском мусульманском съезде. Этим же зрелищем хотел потрясти и турецких тюрков. И сейчас в Японии, в издаваемых им самим газетах, пишут о постановке этой пьесы. Может быть, последователям Ганди в Индии, объявившим голодовку против английского владычества, следовало бы еще раньше продемонстрировать это произведение? Господа Гаяз и Садри и их единомышленники прошлое, настоящее и борьбу за самостоятельность не только казанских, а всех тюрков изображают, таким образом, в форме религиозной борьбы и хотят видеть и все другие племена в том виде, как будто и они, четыре века назад став подданными России, ведут лишь такую же религиозную борьбу. Они стремятся убедить в этом и других. И «религия», которую они считают фундаментом национального движения, является ничем иным, как религией, смирившейся с сознанием быть «росийской подданной», то есть «росийским исламом». Хотя Гаяз Исхаки некоторое время был в деревне имамом, а Садри-бей пытался исполнять роль религиозного лидера, однако, основываясь на религиозной политике невозможно утверждать, что они являются действительно глубоко верующими людьми. «Светские евреи», точно так же намечающиеся в своей национальной борьбе опираться лишь на религиозные общины, имеют аналогичные представления. Казанские тюрки около четырех веков назад потеряли свою самостоятельность и, как считают эти лидеры, они, несмотря на то, что все это время были более культурными и образованными, чем остальные тюрки, не смогли вновь обрести свою самостоятельность. Следовательно, и для других тюрков достижение этой независимости, даже автономии, невозможно. Экономическая жизнь, вопросы о земле, якорь, отныне стали вопросами государства, то есть Российского правительства. Вопрос о национальных войсках может обсуждаться лишь с точки зрения удовлетворения религиозных нужд солдат-мусульман. В целом, «росийские мусульмане» должны придавать значение лишь сохранению и защите национального языка и религии. Царица Екатерина для пристрастия над мечетями и руководства имамами облагодетельствовала мусульман созданием религиозного правления – «Оренбургского Духовного Управления». По существу получается, что

112

правильность и «фальсификаторство» вновь становится предметом обсуждения, я вынужден, до перехода к «научной» стороне вопроса, объяснить, откуда тянутся все эти обвинения и в чем заключается суть нашей борьбы с этими людьми. Если уж оказался привлеченным к суду, то в качестве обвиняемого и желал бы хотя бы раз быть привлеченным к допросу и, наконец, выслушанным.

По мнению приверженцев этого движения, представленного Садри и Гаяз бееми, в тюркском и исламском мире России единственным жизнеспособным культурным сообществом остаются казанские тюрки, единственный их культурный центр – город Казань. Среди российских тюрков политическое, общественное и культурное руководство по праву принадлежит интеллигенции казанских тюрков. Садри Максуди и Гаяз Исхаки после обучения в медресе учились в Казани в «русско-татарской учительской школе» и, испытывая гордость за полученные в этой школе знания о русской духовной жизни, «на чисто казанском диалекте» начали писать романы. Так же, как и Гаяз Исхаки, Садри Максуди, по его собственному выражению (в предисловии нового издания романа «Магшет»), был очень горд тем, что «заложил камень в основание национальной татарской литературы» и он об этом напомнил и в недавно изданном в Турции труде под названием «За турецкий язык». Культурную роль «Казани – культурного центра 27-миллионного российского тюрко-татарского народа» Садри Максуди сильно преувеличивает особенно в сфере языка и культуры, старается убедить в этом и иностранцев. Гаяз Исхаки проповедуемые им мысли, издавая в течение многих лет газеты, внушает и туркам Турции и делает следующий вывод: «В России в Поволжье образовался новый центр. Этот центр очень молодая и деятельная Казань. Казань в течение 25–30 лет стала духовным центром всех тюрков в России. Все движение мысли, все движение науки прежде всего появляется в Казани, затем распространяется в Туркестане, Казахстане и даже в Китайском Туркестане. Казань для всех тюркских племен готовит основы школьного образования, посылает учителей, ее театр и музыка распространяются среди всех племен. Казанский диалект среди чагатайских диалектов самый развитый. Он удобен для узбеков, туркмен, казахов и киргизов. Поэтому для российских тюрков Казань является центром» (Тюрк йурду, 1925, № 19).

С другой стороны, оба писателя находятся под влиянием воспоминаний об истории проживания казанских и касимовских тюрков около четырех столетий в подчинении России, сохраняясь среди русского христианского большинства как мусульманское меньшинство. В предисловии к произведению Гаяза Исхаки-бея, опубликованном в 1903 году, в котором изображается, какой будет жизнь казанцев через двести лет существования под российским господством, выдвигается следующий призыв «быть российским мусульманином». По его мнению, в течение упомянутых четырех веков среди казанских тюрков основой национального самосохранения была религия, ислам, и это

111

и сегодняшние мусульмане должны, приложив министерство по школьным делам к этому Духовному Управлению, создать некое «национальное управление» и этим вполне удовлетвориться. По их мнению, «Религиозному министерству», управляемому «муфтием» или «шейхуль-исламом», приложенному к нему министерство с национальным советом и «национальным правлением» должна подчиниться вся национальная и религиозная жизнь всех российских тюрков и мусульман. Только лишь далеким казахстанским и туркестанским «губерниям» могут быть предоставлены особые религиозные управления во главе с «кази» (!). (То есть, казанские национальные управления согласно милостиво предоставить другим тюркам некую «кази-автономию»).

В сущности, исходя из этой точки зрения господа Садри Максуди и Гаяз Исхаки в России в начале революции 1917 года от всей души оказали сопротивление движению Азербайджана, Туркестана, киргизов и башкир за автономию и независимость и превратились в их врагов. В том же году Садри Максуди на мартовском съезде кадетской партии Миллюкова, где он состоял членом, выступил с речью, уверяя собравшихся от имени российских мусульман в верности и послушании, обещал отговорить тюрков Туркестана от движения за автономию и, несмотря на то, что представители российских мусульман, находившиеся в Петербурге, в ответ на такое заявление опубликовали в газетах протест, в числе представителей кадетской партии Садри-бей был послан в Туркестан и до его отъезда оттуда среди местных тюрков занимался бесполезными уговорами о том, что следует ограничиваться лишь вопросами религиозного управления, благотворительных фондов и медресе, а других «опасных» вопросов не касаться. Садри Максуди, мечтая стать муфтием и шейхуль-исламом российских тюрков и мусульман, оттуда же посредством своего товарища Гаяза Исхаки направил письмо-заявление в Москву на Всероссийский съезд мусульман с выдвижением своей кандидатуры (опубликованные протоколы упомянутого Конгресса, стр. 450). Но с этим своим предложением лишь остался в смешном положении. Они защищали идею сохранения России как централизованного унитарного государства. Основные мысли Гаяза Исхаки, опубликованные в протоколах упомянутого съезда и в его собственных газетах, и Садри Максуди, изложенные в том же году (31 июля) на Казанском съезде и на съезде в Уфимской губернии (сентябрь) и опубликованные в газетах «Йолдоз» и «Ирк», заключаются в следующем: российские тюрки окончательно утратили политические традиции и способность к самостоятельному существованию. Такого рода притязания будут причиной бесполезного кровопролития. Российские мусульмане смогут жить, придавая значение своей религии и языку, лишь под руководством казанских тюрков, которые среди них являются самыми образованными и с многочисленной интеллигенцией. Если башкиры, киргизы и тюрки Туркестана отделятся от России, они останутся без руководства казанских тюрков и в конечном

113

счете будут обречены на исчезновение. Система управления, если ее рассматривать и с точки зрения сохранения лидерства Казани над российскими мусульманами, должна оставаться централизованной (унитарной). Такие движения, как за федерацию и автономию, которые могут быть причиной расчленения России, приведут также к разделению российских мусульман, что станет национальным бедствием. На Московском съезде Гаяз Исхаки ответил из киргизов адвокат Зиганша, и из узбеков – адвокат Губайдулла Ходжа, и сказали следующее: «Нам надоела ваша помощь и ваше руководство, мы являемся хозяевами обширной страны и земель, простирающихся от гор и реки Урал до Китая. Если вы не поможете, эту помощь мы получим от Украины и Латвии, народов, которые хотят отделиться от России» (Протоколы, стр. 201, 214). Результате Мехмет Эмин, ответивший Гаяз-бею от имени азербайджанцев, сказал: «Если демократическая Россия предоставляет великое счастье, в таком случае почему мы не желаем присоединения к России и Стамбула, и всех других мусульманских государств? Нет, Азербайджан, Туркестан, Казахстан и Башкурдистан станут самостоятельными государствами, так как мы не евреи, слава Богу, у нас есть земли» (Протоколы, стр. 248, 250). В конечном счете Гаяз Исхаки и его единомышленники при голосовании потерпели поражение и были подавлены большинством в 446 голосов против 271¹.

В целом если это «единство России» идель-уральцами в среде русских националистов из калетов и эсеров демонстрировалось с «точкой зрения русской демократии», то среди тюрков оно трактовалось как «движение во имя тюркского единства» и его противники обвинялись и проклинались от имени общетюркского и общемусульманского единства. Однако, несмотря на эти ругательства и проклятия, движение за областные автономии расширилось. Садри и Гаяз беи с кулчами и муллами из числа казанских тюрков остались в меньшинстве, но продолжали свой старый путь. Садри-бей, назвав «Конституцией» национального и религиозного управления мусульман внутренней России», приспособившая к мусульманам, перевел проекты религиозного и национального управления российских еврейских обществ (экстерриториальщиков), добился их принятия на Казанском съезде (22 июля) и эту «Конституцию» из 113 статей опубликовал в газете «Йолдоз» (9 августа).

Осенью, прибыв в Уфу в качестве председателя упомянутого национального и религиозного управления, рядом со старым «Духовным управлением» открыл отдел по школам и стал во главе этого управления. Там в качестве председателя «Национального управления» опубликовал в журнале «Мухтарият» свои «приказы и фарманы» о Коране, тажвите (правилах правильного чтения Корана), исламских правилах

¹ Экземпляры этих протоколов, опубликованных в Петербурге на тюркском языке, в Анкаре имеются в личной библиотеке Юсуфа Акуры, а в Стамбуле – в библиотеке Фуата Кюпрюлюзаде.

вавшись тем, что в тот момент у нас в городе еще не было войск, в полночь вместе с российскими чекистами они окружили наши жилища, арестовали меня и моих единомышленников, в то время находившихся в городе. Их донос был напечатан 2 февраля в газете «Оренбургские Известия», а их длинный донос на русском языке, написанный Камилем Карими и подписанный Ибрагимом Бикенгаем, был опубликован в газете «Казачья Правда». В то же время представители «Национального управления» г. Орска, показывая дорогу большевистскому командиру по имени Баранов, неожиданно привели также среди ночи его отряд в селение Байкам, находящиеся во внутреннем Башкурдистане, где формировался первый башкирский национальный полк. Русские, пригласив к себе, якобы для переговоров, башкирских офицеров Абдуллу Идельбая и Абдуллу Магаза, арестовали их вместе с несколькими солдатами и впоследствии расстреляли. Проводники, приведшие их, показывая дорогу, чувствовали себя так, как будто одержали великую победу и над трупами офицеров-жертв говорили нараспашку, будто «в свое время именно вы продали Казань русским». (В то время как Восточный Башкурдистан был оккупирован лишь в XVIII веке, попытка представить башкир виновными в захвате Казани в XVI веке представляет собою очень яркий пример того, к какого рода историческим фальсификациям пылаются прибегать татарские шовинисты). В то же самое время «татаро-башкирство» города Челябинска, получив помощь от большевиков этого города, напали на центр Аргаяшской волости Башкурдистана село Туляк. В произошедшем столкновении погиб один из самых передовых башкирских интеллигентов Абдулбари Халитов (6 июля). После того, как два месяца оставались под арестом в тюрьме, мы сбежали оттуда и вновь приступили к организации войск. В это время один из «идель-уральцев» в Уфе, некто по имени Халиулла Еникеев, пользуясь тем, что в городе служил белым русским генералом, им постоянно наговаривал против организации башкирских войск и, говоря, что если башкиры сумеют организовать сильные войска, то они, как украинцы, вонзят нож в спину России, настроил русских против организованной нами мобилизации, и в результате эти русские генералы в некоторых волостях со своими войсковыми частями сумели выступить против осуществления объявленной нами мобилизации. Также в это время прибывший в Уфу Гаяз Исхаки со своими сторонниками, в основном с помощью живущих в Башкурдистане татарских учителей и учительниц, развернули пропаганду против создания войск. Башкирское и Киргизское (Алаш Орда) национальные правительства занимались организацией из войск обоих правительств в Оренбурге общего «Войскового управления». И действительно были созданы некоторые общие военные учреждения, общие склады оружия. В том же 1918 году Гаяз Исхаки, полковник Биглов и капитан Ишмухаметов, в связи с созданием в сентябре Российского государственного совета, пытались убедить собравшихся в то время в Уфе членов башкирского

поведения, а также о том, как нужно «встречающиеся в жизни общественные вопросы выяснять с помощью совета духовенства в соответствии с канонами ислама», «как с помощью и с участием имамов обуздать тех, кто совершает проступки, запрещенные исламом, допускает пренебрежение по отношению к святости брака». Номера этого журнала у меня сохранились случайно до сих пор.

До последней революции башкирские муллы и до 1864 года и киргиз-казахские муллы подчинялись «Оренбургскому Духовному управлению», поэтому эти два народа считались «традиционным приходом» этого управления. С этой точки зрения особенно вступление башкир на путь достижения автономии и независимости вместе с киргизами и туркестанцами, «отделившись от семьи Духовного управления» было оценено как открытый «бунт» (!) и, вследствие чего, борьба против этого была трагичной.

«Национальное управление» Садри Максуди в начале 1918 года, за несколько дней до роспуска, издало постановление об образовании искусственного «Идель-Уральского» штата с неопределенными границами и с неясной сущностью, другое название которого – «Татаро-Башкирская республика», так как оно намечалось присоединить Башкурдистан к Казани. Согласно этому постановлению созданные в том же году на башкирских курултаях «Башкирское центральное шуро» и «Башкирское национальное правительство» были объявлены учреждениями, не признанными «Национальным управлением» и поднявшими бунт против общетатарского единства. После того, как «Национальное управление» было распущено татарскими же большевиками, они через представителей своих отделов и агентов на других местах начали интриговать против Башкирского правительства и организации башкирских войск путем доносов русским, и приступили к беспощадной «скрытой борьбе». В начале января 1918 года эту борьбу продолжили путем доносов Оренбургскому губернатору Ахангельскому, назначенному правительством Керенского. Однако, эти интриги против нас оказались недейственными, ничего не добившись, они попытались испортить наши отношения с Оренбургскими русскими казаками, выставляя нас большевиками. Из «идель-уральцев» писатель Бурхан Шереф и сотрудничающий в данное время в Варшаве с Гаязом Исхаки Гариф Карими, добившись приглашения в резиденцию Оренбургского русского правительства, в присутствии членов этого правительства и от его имени устроили нам какое-то смешное «судилище» за то, что мы, якобы, не испросив заранее разрешения у русского правительства, посмели объявить автономно. Пятнадцать дней спустя, когда город был захвачен большевиками, мы этот город не покинули. Члены же этого татарского национального шуро теперь пошли к большевикам и доносили о нас: «Башкиры – монархисты, буржуа, владеющие землями и имуществом. Чтобы поднять против вас вооруженное восстание, там-то и там-то организуют войска». Воспользо-

и киргизского правительств совместные воинские соединения этих двух правительств подчинить «Азиатскому отделению» старого царского правительства, которое хотели возродить при военном министерстве тогдашнего Сибирского русского правительства. То есть они хотели уже организованные и организуемые воинские кавалерийские «бригады», «соединения» этих двух правительств, а у башкир даже «корпус», распустить их собственными руками и извести их до положения разбросанных и подчиненных русским воинским формированиям татарских батальонов и полков. Они и это проводили, так же как и вопрос о «Духовном управлении», якобы исходя из общенациональных интересов и пытались осуществить все это с крайним фанатизмом, так как полковник Биглов, рассчитывавший и получивший обещание быть назначенным вместо прежнего генерала Давлетшина руководителем этого «Азиатского отдела» при русском генеральном штабе, якобы обретет от имени новой России «духовный авторитет» «войскового муфтия», и таким образом в России под высоким покровительством Российского генерального штаба произойдет «объединение мусульман». Однако мы эти идиотские предложения и болтовню во имя тюркского и исламского единства решительно отвергли. Покидая собрание, прервав эту пустую болтовню, председатель Киргизского правительства Алихан Букейхан сказал: «Мы свою армию, организуемую, преодолевая тысячи препятствий в масштабе страны, однажды хотели бы видеть совершенно самостоятельной и для этого занимаемся созданием «военного округа», а вы же хотите распустить ее во имя религиозного и национального единства и передать «Азиатскому отделению» России. Оставьте нас, сами же можете делать все, что хотите». После того, как эти их предложения остались без ответа, полковник Биглов направил длинный рапорт главнокомандующему Сибирского правительства генералу Болдыреву и там написал о своих предложениях во имя единства России, сделанных им, на нашем собрании в отделе «Сибирский». После того, как изложил нам с Алиханом Букейханом ответы ему в том смысле, что «мы создаем войска, чтобы отделиться от России», изложил свою точку зрения: «По существу мы хотим объединить Россию. Заки Валиди и Алихан Букейхан в Оренбурге под видом «военного округа» намереваются создать еще одну Украину. Их цель – объединиться с немцами, оккупировавшими Украину». Все бумаги, относящиеся к этому делу, из рук офицера, посланного Болдыревым в Оренбург для проверки вопроса о создании «военного округа» из башкирских и киргизских войск, попали в наши руки, однако дело о «военном округе» провалилось. К тому же нам стало известно, что вступившие в наши войска два офицера, назначенный командующим первым пехотным полком Тоймакаев и назначенный во втором полку адъютантом Галиахмет Валиев, вели интриги в пользу татарского национализма и тайно занимались убеждением русско-казацкого генерала Дутова: «В противовес башкирским войскам нужно органи-

звать полностью подчиненное русским отдельное «Татаро-башкирское войско». Тоймакаев немедленно был удален нами от войск. Киргиз-Ашаское правительство, Тургайский губернатор, казаки-демократы и мы приняли решение 6 ноября совершить переворот, арестовав генерала Дутова, его правительство и войсковое управление. Но Валиев, сообщив генералу об этом плане за несколько часов до его исполнения, сбежал от нас. Осенью, когда из-за такого разрушительного предательства, эти планы были провалены, наши три полка, воевавшие на Ташкентском фронте, были вынуждены вернуться. Такого рода движения, совершенные татарскими гегемонистами в 1917–1918 годы, не ограничились лишь этими событиями. Я не говорю, что всеми этими делами, особенно попытками запутывания военных дел, руководил Садри Максуди, так как он давно убежал в сторону Москвы. Однако поступки других совершались в желательном для Садри духе, в духе того крута людей, над которыми он преобладающе руководил. И полковник Биглов, и Ишмухаметов, и Валиев лично не были плохими людьми, они были образованными, преданными общенациональным делам люди. Возможно и эти свои дурные поступки они совершали, к сожалению, во имя национальных идеалов. Точно также поступают и сами Садри и Гаиз бей.

После бегства Садри Максуди в Европу, а Гаиза Исхаки – в Японию, оставшиеся в Советской России «идель-уральцы» и их сторонники, как те, которые были, так и те, которые не были коммунистами, столь же непорядочными способами продолжили против нас борьбу, прикладывая к этому все усилия, на какие они были способны. В феврале 1919 года, когда мы, заключив соглашение с Советами, прибыли в Оренбург и Москву, нескольких прежних «идель-уральцев» увидели за столом большевиков, занимающихся теми же делами. Они вели себя так, как будто со дня сотворения мира были коммунистами. Они преимущественно занимались против совместного действия в Оренбурге башкирского и киргизского правительств. Некоторые из них в декабре 1919 года, без приглашения приехали на заседание делегаций Башкирстана, Киргизстана и Туркменистана, созванное под руководством Калинин в Кремле для решения всех этих вопросов, выступили с протестом: «Башкиры составляют часть татар, создание ими общего правительства с киргизами в Оренбурге будет неестественным совокуплением» и, получив при голосовании вместе с русскими на два голоса больше, испортили все дело. И после эмиграции за пределы России мы везде сталкивались с агентами этих «идель-уральцев». Приехав в Мешхед, мы с удивлением обнаружили: оказывается, члены Национального шура, в свое время в Оренбурге вместе с большевиками бросившие нас в тюрьму (а также одна женщина, Хатиджа Хусанова, которая в 1918 году по распоряжению Гаиза Исхаки вела работу против нас) стали консулами Советов в Мешхеде и его членами. Наше пребывание в Мешхеде и Иране, естественно, открыло для них великое

«поле деятельности». Прибыв в Афганистан, мы увидели, что один из членов Оренбургского татарского «Шура», упомянутый выше Гариф Карими вместе с Хаджи Сами вступил на Афганскую землю и, услышав о нашем нахождении в Кабуле, тотчас через Хаджи Сами направил Турецкому посольству в Кабуле и Афганскому правительству доносы против нас, в результате чего мы не смогли получить визу в Стамбул и позже, прибыв туда, в город не попали. Позже, прибыв в Париж, мы встретили там самого Садри Максуди, приехав в Берлин – белого со дня «сотворения мира» Гаиза Исхаки и других членов «Национального управления». И позже, летом 1925 года по уродливой иронии судьбы мы с Садри Максуди столкнулись в Анкаре в Комитете «творчества и переводов». Вновь эти же люди, вновь, как прежде, проводимая ими в различных формах «тайная борьба»...

Национальные управленцы еще в 1920 году на Дальнем Востоке, в Финляндии и позже в Париже начали представлять «российских мусульман», но проводимые ими «национальные требования» представляют собою настолько мелкие вопросы, что для этого не стоило бежать за границу (на самом деле они бежали из-за того, что бежали богатые). Все эти требования отражены в 69-страничном произведении активного члена «Национального управления» Гумера Тергулова, изданном в 1920 году в Акамшарке, в Харбине под названием «Политические вопросы». По его мнению, татары за границей должны создать политическую организацию под названием «Бирю» («Единение»). И его правила действия должны быть следующими: «Учитывая неопределенность общего положения и имея в виду неподготовленность татар, впредь до прояснения ситуации ждать и не вступать в связи ни с одной из политических партий, борющейся за власть (стр. 14–15); «У тюрков-татар нет возможности создать независимое государство» (стр. 34); «У этого плана нет будущего и в будущем, поэтому и в будущем мы не будем впадать в мечту о создании обширного тюрко-татарского государства...» (стр. 34); «Для Азербайджана, Туркестана и Казахстана достижение в будущем независимости может быть включено в программу, однако и это дело зависит от их способности противостоять до того, как разовьется их культурный уровень» (стр. 37–38); «Татары и в будущем останутся разрозненными во многих «штатах» России, единственной организацией, собирающей их воедино, будет лишь национально-культурное управление» (стр. 40–43). И Садри Максуди, приехав в комитет членов Учредительного собрания, собравшегося в Париже, сделал ряд выступлений в собственном духе. Также в 1923 году, когда в Париже Русской Академической группой стали устраиваться конференции, он, приехав к председателю этой группы, стал его «клятвенно» уверять, что он далек от каких-либо сепаратистских мыслей и постоянно остается верным России, что и было опубликовано в Милковской газете. Также и то, что писал Гаиз Исхаки в других русских газетах, было в том же русле, что и притязания, кото-

рые он выдвигал раньше в России. В 1929 году «Идель-Урал» вдруг начал «серьезную деятельность». Причина этого заключалась в том, чтобы, сблизившись с организацией «Прометей», занимающейся в Варшаве с целью освобождения народов, оказавшихся в зависимости от России, показать себя «с рождения борцами за независимость» и получить от этой организации деньги. Председатель «Идель-Урала» Садри Максуди-бей, чтобы не компрометировать себя как приверженцем независимости и сепаратизма, открыто не обнаруживает себя. У этого «Идель-Урала», устраивающего свои общие собрания в Стамбуле там, где недавно произошли пожары, исполнительный орган находился в Варшаве, а в Берлине издавал журнал под названием «Милли Йол». В этом журнале и в отдельной брошюре, изданной редактором данного журнала Гаизом Исхаки от имени «Идель-Урала», пишется, что якобы еще в 1917 году была объявлена независимость воображаемого «Идель-Уральского государства». Якобы эта независимость появилась с того дня, когда была объявлена упомянутая ранее «Конституция национального управления», то есть устав вновь организованного «муфтията», написанного председателем «идель-уральского» национального управления Садри Максуди-беем. По существу, в своих журналах он до сих пор продолжает борьбу за свои старые притязания. Мы до сих пор, исходя из этой точки зрения на «муфтият» продолжаем оставаться национальными предателями. Из киргиз-казахов подлинными мусульманами считаются только те, которые принимали участие в выборах Галимзяна Баруди муфтием «духовного управления» и получили из рук этого шейхуль-ислама должность киргизского кази, якобы войдя тем самым в ряды «столпов ислама». В этой связи в 9–10 страницах 6-го номера журнала «во то время, как восьмимиллионный киргизско-казахский народ входит в Уфимское духовное управление», те, кто не желает входить в него, подрубает корень национального и религиозного единства, и такие казах-киргизы были также обвинены в национальном предательстве за то, что «желают отделить казах-киргизов от Казани, от такой их культурной родины, как Поволжье». В зарубежных публикациях Гаиз-бея во имя лозунга «Идель-Урал», в соответствии с желаниями поддерживать существование в Европейской России «татарской культуры» в границах древней Золотой Орды, ставится задача создания идеологического фундамента этой культуры и, естественно, за рубежом место выражения «татарская культура» чаще используется название «турская культура». Гаиз Исхаки в 1917 году на Московском съезде (Протоколы, стр. 231) и в своих газетах говорил: «Если в Москве восторжествует децентрализация, башкиры отделился от нас (то есть от татар) и присоединятся к Туркестану, ногайские тюрки северного Кавказа также присоединятся к Кавказу». То есть, если эти народы получат какую-либо автономию, выиграют считающиеся соперниками Казани Туркестан и Азербайджан, а представляемая в масштабе Золотой Орды татарская культура будет раздроблена и, следовательно, по

их мнению, это будет самым великим бедствием. И Садри Максуди теорно о Золотой Орде пытается внедрить в сознание тюрков Турции под общетюркским соусом. В 1924 году в Анкаремском «Турецком очаге» в докладе по теме «Духовные основы турецкой истории», с которым впервые предстал в качестве историка, он также был «патриотом» Золотой Орды. В этом своем докладе Садри Максуди, привлекая к суду великого Тимура с точки зрения Золотой Орды, говорил о том, что сегодняшняя Россия образовалась под влиянием Тимура, хотел выглядеть золотоордынцем, находившимся в рядах Баязита Молниеносного. И в произведении «За турецкий язык» (стр. 118, 125, 232), выдумав искусственную общность «Идель-Урал и казахские степи, кипчакские турки», утверждал, что их национальным литературным языком является «язык города Казани – великого духовного центра кипчакских тюрков».

В данном случае причина того, что мы называем «искусственной общностью», заключается в следующем: не только татары и кипчакки, но составляющее сегодня основное население Западного Туркестана («узбеки») принадлежат к кипчакским родам, а может быть они составляют основную часть этих родов. По мнению Садри Максуди, защищаемого им в этой книге (стр. 232–233), используемый в Золотой Орде официальный язык – язык, отдельный от уйгурского и чагатайского. В своей книге, где он с гордостью упоминает о том, что первым написал роман на казанском диалекте, Садри-бей выражает мнение, что этот диалект лучше чем другие сохранил кипчакский язык Золотой Орды, и он вовсе не упоминает произведения, написанные на киргизско-казахском, узбекском и башкирском языках, которые с точки зрения чистоты ничем не уступают языку казанских тюрков, так как, по его мнению, публикация трудов на других диалектах означает «бунт» против казанского диалекта. Также и статьи о национальной истории, опубликованные в журнале «Милли Йол», очень тенденциозны и направлены к укреплению лишь татарской гордыни.

«Идель-Урал», кроме этих литературных дел, естественно, занимался и иной, «великой политикой». И в Женеве они этим занимаются. Главный «функционер» Гаиз Исхаки плетет интриги, чтобы среди мусульман Польши сделать муфтием если не себя, то кого-либо из других казанцев и таким образом опыт Идель-Уральского муфтията попытается распространить и за рубежом. И в своем журнале он публикует пространные статьи о своих взаимоотношениях и связях по вопросам религиозной жизни российских мусульман и о муфтияте с председателем лондонских священников «Архимандритом Кентерберийским» и папой Римским, а также о том, как он, участвуя в Исламском конгрессе Палестинского объединения, перед тамошними муфтиями и шейхами представлял не только татар и башкир, но всю тюркскую нацию и о том, как его в той среде сильно полюбили. Сейчас он в Японии. Как будто он там гость Абдулхаджа Курбангалеева, обосновавшегося в Токио. В свое время Гаиз Исхаки об этом имеем много писал

как о реакционере, в Московском съезде занимался сбором подписей под протестом против него, несмотря на это теперь не брезгает лизать тарелку, на которую много раз плевал. Однако в последнее время слышно, что взаимоотношения между ними испортились и обе стороны, обращаясь к Японской полиции, начали друг на друга писать доносы. Газя Исхаки, как и Садри Максуди, стреляет с дальним прицелом, с властью имущими предпочитает иметь дело самолично. Но если ему дает «аудиенцию» английская королева или японский микадо, его основное желание: просить деньги для издательства журнала или, если дела пойдут хорошо, то и для открытия издательства, печатающего свою продукцию арабским шрифтом, а также требовать муфтият для российских мусульман или, как он делал в 1925 году в Анкаре в «Тюрк Йурду», «права меньшинства для российских мусульман». Из-за того, что эта «великая политика» занята совершенно несерьезными вещами, мы можем спокойно ждать, сможет ли Газя Исхаки-бей сделать Садри Максуди шейхулисламом российских мусульман или, на худой конец, «Идель-Урала».

У «Идель-Урала», кроме «литературной» и «великой политической» деятельности, есть еще одно важное дело – продолжение начатых в России интриг, сплетен и доносов. В 1925 году, будучи в Берлине, по поводу одной статьи моего товарища в газете «Ени Кафкасия» другой мой товарищ вел полемику, в ходе которой он утверждал, что для северных и восточных тюрков литературным языком будет не татарский язык, а язык Туркестана. В этой связи Газя Исхаки, приписав эту статью мне, утверждал, будто «Заки Валиди опозорил татар», обратился к тамошним тюркским эмигрантам и вызвал невероятный шум своей демагогией, сделал донос на меня в Турецкое консульство и посольство, убеждая, будто я большевик, пытался противопоставить меня турецким туркам, впуская интриговал в тюркском клубе, однако перед единым фронтом туркестанских и азербайджанских студентов потерпел поражение. В этой связи, написав частное письмо Садри Максуди, в тот период находящегося в Париже, я просил прекратить эти фальсификации и интриги. Но в письме, написанном в том же 1925 году, он ответил: «Ваши мысли и позиция известны мне, а мои известны Вам. В этих условиях нам не следует быть настолько наивными, чтобы попытаться повлиять друг на друга путем обмена письмами». Позже, летом 1925 года, когда все члены «Идель-Уральского комитета» собрались в Анкаре (по словам Газя-бея, написавшем в русских газетах о самом себе «Три татарина»), они вновь занимались мною, но никого убедить не смогли. Осенью 1928 года при возвращении из поездки в Европу, проезжая Варшаву, от «Восточного института» я получил приглашение выступить с докладом о современном положении Туркестана. Однако в тот же день Газя Исхаки, посетив секретный отдел Польского генерального штаба, донес обо мне следующее: «Заки Валиди – агент Советов, сюда он послан специально», и это мне с сожа-

122

башкир, изолировав нас от среды турков Турции и туркестанцев, каким образом будут стараться с нами свести счеты и представляя, что мне будет сложно сочетать борьбу с ними и с другими некоторыми моими конкурентами с ведением преподавания на университетской кафедре я еще осенью 1929 года решил вновь ринуться в политическую жизнь. В Европе я смог бы найти и какую-нибудь работу, но из-за некоторых других причин я был вынужден отказаться от этой своей мысли.

Садри, Газя и их единомышленники, обладающие мастерством быть большими русскими, чем русские, защищающие единство России и более преданными ей, чем сами русские, в Польше – больше польскими патриотами, чем сами поляки, а в Турции – больше пантюркистами, чем турки, если находят нужным, перекрашиваются в любой цвет. Но они на путях достижения национальных интересов никогда не боролись с оружием в руках. Этот круг, постоянно преувеличенно изображающий величие и мощь русских и старающийся пугать не только самих себя, но и других, все это делают так, как будто возложили на себя некую национальную обязанность в качестве «отцов нации» не допускать мусульман к кровопролитию, оберегать их от бед. В тоже время этот круг в достижение своих целей применяет в целом такие методы борьбы, которые совершенно чужды духу тюркского народа и которые они привели в совершенные формы. Способы этой борьбы заключаются в раздорах, организации доносов на своих противников любому правительству, с которыми они вступают в связь, при том приспособляясь к интересам этого правительства, как бы подлаживаясь к его точке зрения, войдя через черный ход, избирая темные дороги, путем сплетения интриг «из-под полы», оказывая влияние на те или иные лица в основном через женщин.

Один из известных общественных деятелей Казани Саит Гирей мурза Алкин с душевной болью рассказывал об этих странных свойствах Садри Максуди и о том как он, применяя их, пытался упражняться перед лицом русского губернатора Казани «играть великую роль». С одной стороны, распространяя о башкирах сплетни, постоянно проклиная созданные ими национальное правительство и войска, когда им кажется выгодным, они не стесняются себя выдавать за башкир и пытаются присвоить себе и движению башкирских войск, говоря «это мы организовали». Между прочим Газя Исхаки вместе с одним своим товарищем, ныне находящемся в Анкаре, поехали в Прагу и, посетив центр чехословацких легионеров, которые в свое время выступали в России против Советов и из-за братства по оружию хорошо знали и любили башкир, представившись там как «башкирские писатели» и попрошайничали от имени башкир. У меня нет желания подсчитывать случаи их такого рода артистизма. Только не смогу не обратить внимания на два момента, появившиеся в тюркских газетах: Газя Исхаки в газете «Джумхуриет» (1925, 27 июня) в своем «интервью», данным им в качестве «великого ученого Российских тюрков, великого и дорогого

124

лением рассказал один из моих знакомых польских государственных служащих, добавив: «По существу, дела ваших татар и здесь обходятся аналогичным образом». Азербайджанцами, дагестанцами и украинцами, живущими в Варшаве, Газя-бей был подвергнут допросу, но от этого он не стал более нравственным. С другой стороны, и Садри Максуди в Анкаре по всякому поводу устраивал против меня провокации. В начале 1931 года, будучи в Анкаре, я увидел, что эти неприятные взаимоотношения начинают становиться известными и в среде великих руководителей. Поэтому я обратился к Юсуф-бею и Ага-оглу, Ахмет-бею и просил их оказать помощь в прекращении раздора между Садри, Газя-беями и мной. Они приняли мое предложение. Десятого февраля Ахмет-бей, пригласив Садри-бея и меня к себе домой, вместе с Юсуф-беем поставили вопрос ребром. Однако Садри, крайне разгорячившись и начав повторять свои известные пустые разговоры о том, что «Заки Валиди такой, Заки Валиди всякой, уничтожение его – наш долг», показал себя одним из казанских фанатичных татар из «сеенного базара», не признающим кибду, вопрос остался нерешенным, а провокации приняли еще более худший вид. Будь то среди депутатов или среди членов Исторического Сообщества, я слышал о том, какие ведутся интриги против моего преподавания в Стамбуле истории и как они пытаются отстранить меня от этого. Также я узнавал о том, как они характеризовали мою прошлую политическую борьбу в России и Туркестане в виде непрерывной цепи национального предательства. Один со мною ни разу не встречавшийся депутат в марте 1932 года на одном меджлисе, основываясь на разъяснении Садри Максуди, говорил обо мне крайне неприятные вещи и сказал, что мне следовало не только не предоставлять кафедру, но он сожалеет даже о том, что меня пустили в Турцию в качестве эмигранта. Об этом я узнал от своего друга, присутствовавшего на этом меджлисе. И позже Садри Максуди, воспользовавшись радушием одного молодого учителя, в статье, написанной для его книги под названием «Тюркский мир», себя возводит до небес, а меня пытается компрометировать. И этот труд был опубликован непосредственно перед Анкарским Историческим конгрессом и подготовил почву для тамошних обвинений. Позже я узнал, что Садри 4 июля, за три дня до своих обвинений с трибуны Конгресса (вечером 7 июля), в присутствии наших самых великих руководителей выдвинул против меня те же самые обвинения. Нынче из-за того, что я нахожусь вне пределов Турции и очень далек от необходимости заниматься всем этим, следовало бы им забыть про меня, но никак не забывают. Я хорошо знаю причины того, каким образом моя критика одной из тысяч важных и не важных вопросов национальной и всеобщей истории и исторической географии о «постоянно усиливающейся опустыниванию» вызвала к жизни по отношению ко мне «постоянно усиливающуюся ненависть». Зная, к каким способам Садри и Газя прибегнут, чтобы очернить меня и других представителей

писателя тюркского мира», рассказывает о том, что его газета, в свое время издаваемая в Москве, была запрещена в годы Мировой войны главнокомандующим Кавказским фронтом России из-за статей о событиях в Турецких войсках в Сарыкамыше и об аджарах. Вместе с тем тот же Газя-бей за десять месяцев до этого в интервью в своей статье, опубликованной в Берлине в газете Керенского «Дни» (1924, 10 сентября), то же самое событие объясняет следующим образом: «За то, что я много занимался в пользу русской демократии, газета была запрещена царским правительством». Также и Садри Максуди-бей в своей статье, написанной по поводу произведения учителя Хусейна Намыка (стр. 146–147) речь ведет о том, что в марте 1917 года в Петербурге на съезде кадетской партии он очень преданно защищал интересы турецкого народа, что сумел убедить русских о необходимости оставить Турцию проливны и Стамбул. Вместе с тем в этой ошибочной речи, которая упоминалась и выше, Садри-бей, ни от кого не имея на то позволения, от имени всех мусульман России, особенно мусульман Оренбургской губернии, засвидетельствовал низкое раболепие и дал гарантию в том, что и в ходе этой революции, как и всегда прежде, Российские мусульмане останутся верными поданными русского государства. Он сказал и о том, что мусульманам и в голову не приходит мысль об автономии, отдельной от России, напротив, эти мусульмане желали бы, чтобы Россия оставалась единой и централизованной. В эти дни, собравшись в Петербурге тюркские представители и интеллигенты, в том числе и автор этих строк, по поводу данного выступления выразили Садри-бею протест в газетах. Садри-бей с этим своим выступлением навечно запятнал себя в ходе революционной, а также политической жизни российских мусульман. На заседании 9 июля Анкарского Исторического конгресса Садри-бей, будто намекая на то, что турки Турции не умеют торжественно приветствовать собственных руководителей, членам Конгресса начал давать команду: «Вставайте, вставайте». Мне тотчас вспомнились те минуты апреля 1917 года, когда этот человек, после своего упомянутого выступления на съезде кадетов, прибыл в составе комитета этой партии в Ташкент и, желая организовать свидетельства почтения председателя Кадетского комитета Щепкина местным населением, на общем съезде туркестанских тюрков, после выступления Щепкина, поднявшись со своего места, начал направо-налево шептать: «Аплодируйте, аплодируйте», и делал это он так, чтобы быть замеченным и самим Щепкиным. Они такого рода подхалимажем в большинстве случаев заставляют некоторых поверить им. Например, Газя-бей в 1924 году в Берлине, когда пытался восстановить против нас тюркских эмигрантов, заставил одного «донму» поверить ему. Он, подойдя ко мне, сказал: «Зекки-бей, Вы своей статьей глубоко оскорбили Газя-бея, так что он плачет, проливая слезы». Однако я никакую статью о нем не писал и ни в одной своей статье ни одним словом не упоминал Газя-бея. Они действительно артисты в своем плутовстве.

125

Другая их особенность — раздувание раздоров. Раньше можно было наблюдать среди них характерное для купцов свойство — солидарность. Среди этого сорта купцов, которые, возможно, по происхождению являются булгарами, бытовала привычка объясняться между собой намеками, без слов, выразительными взглядами, для сокрытия истинной стоимости товара от покупателей цены говорились на чувашском языке. Эту безразличную «солидарность», которая непонятна как другим тюркам, так и большинству казанских тюрков, некоторые казанские «общественные деятели» пытаются превратить в общенациональную черту казанских тюрков. Стремятся сделать татар, проживающих во всех частях света, подданными Оренбургского духовного управления, хотя привести их в состояние, например, как в Ташкенте, когда они, имея особую мечеть, составляют особое религиозное сообщество. То есть казанские татары должны будут составлять особое религиозное сообщество с особой моральной солидарностью, не признающей никаких государственных границ. Ради своих интересов между собой играть посредническую роль, стремиться любое дело передать в руки представителей своей группы — все это составляет часть фундамента солидарности этой группы. Однако эта солидарность остается ограниченной в пределах лишь мелких, незначительных интересов этой группы. Не только обеспечение общенациональных связей, но даже внутри самого круга этих людей не обеспечиваются искренние дружеские взаимоотношения. Таким образом, несмотря на солидарность, ни Садри-бей к Гаяз-бею, ни Гаяз-бей к Садри-бею не испытывают ни искреннего расположения, ни чувства уважения. Возможно, привычка к раздорам у людей этого круга заложена в их сознании с рождения. Казанские тюрки после подчинения воле русских ни разу не сплотились для освобождения вокруг единого предводителя, все время оставались разрозненными и занимались хитросплетениями по отношению друг к другу. Причину этого ни в коем случае нельзя искать в общем характере казанских тюрков. Причина этого заключается в гнилости того круга людей в городе Казани и вокруг нее, которые всегда желают оставаться во главе всех дел. Писатель Загир Биги в своем произведении «Путешествие в Мавераннахр» охарактеризовал раздоры в среде казанцев с помощью слов одного русского писателя по имени Волгин в очень горькой форме. И сейчас в Берлине, Финляндии, на Дальнем Востоке и Японии наблюдающиеся среди татар раздоры, жалобы на имя правителя друг на друга, доносы в большинстве случаев провоцируются самим Гаязом Исхаки, и они находят иногда отражение в русских, польских, финских, даже в японских газетах. А башкиры, киргизы и узбеки, так же как в историческом прошлом, и в последние века, и в ходе последней революции в своей борьбе за собственную свободу постоянно могли идти за одним национальным предводителем. В ходе последней революции (1918–1919) башкиры и киргиз-казахи отозвались лишь на ту военную мобилизацию, которую объявили их национальные

126

да часть городских татар усваивают способы русской экономической и городской жизни, среди татар, занимающихся торговлей и переводческой деятельностью в степях, оказавшееся в самое последнее время в зависимости от России, появляется некое чувство превосходства над другими соседними племенами. Позже часть казанских купцов, имея центры своей торговли в Казани и открыв их отделы в степях и Туркестанских городах, таких как Троицк, Семипалатинск, Ташкент привыкли управлять всеми делами из Казани. Начиная с 1801 года при Казанском университете русские и немцы открыли издательство «Азия». Продажа выпускаемых этим издательством, а позже и другими русскими издательствами книг и Корана среди башкир и киргиз и обучение их чтению породило среди этих купцов или торгующих мулл чувство некоего «культуртрегерства». Позже объявившая войну против Бухары и чагатайского языка новая литература еще больше усилила эту гордыню и сектантский вождизм. Люди, воспользовавшиеся новыми рынками, открывшимися после вхождения степей под управление России, составили очень маленький круг¹ из числа казанских тюрков. По моему мнению, абсолютное большинство нынешних казанских тюрков — булгары. Городское население таких старых городов Поволжья, как Хазар и Ас состояло из кипчаков, и они до сих пор, сохраняя свои древние родовые названия, живут в деревнях. Они не из тех, кто воспользовался новыми рынками, открывшимися в степях. Поэтому не имеют никакого отношения к вопросам влияния на другие племена, гегемонии над ними. Но казанские купцы и муллы, занимавшиеся в степях торговлей, несмотря на свою крайнюю малочисленность, оставили татарским представителям последнего времени и «идель-уральцам» сильные традиции. Во всяком случае, эта страсть к влиянию и желание быть представителем других — свойство, совершенно неизвестное и непонятное таким племенам, как башкиры, киргизы, туркмены. Ни одному киргизу или башкиру и в голову не придет мысль о киргизизации или башкиризации казанского татарина. Также среди узбеков, по своим культурным традициям занимающих еще более высокое, чем казанцы, место, совершенно не наблюдается желания религиозного или политического руководства казанцами или вмешательства в их внутренние дела.

С другой стороны, все эти воззрения Садри и Гаяз беев уже давно отошли в историю. Сколько бы они не занимались, отныне ни одного башкира или киргиза невозможно отатарить. Ныне у всех есть цель и идеал, искренне достигнутый национальной интеллигенцией каждого племени, но который не может быть немедленно претворен в жизнь из-за давления со стороны господствующей нации: это ничто иное, как тюркская культура. Мы могли бы указать на опубликованные после

¹ Мне представляется, что в Казани вплоть до нашего времени торговля оставалась в руках круга древних булгар, однако они от своего древнего языка перешли к кипчакскому.

128

правительства, им самим выбранные, уплачивали лишь те налоги, которые были наложены этими правительствами, кроме приказов и распоряжений собственных правительств и военного командирования никаких других не признавали. Гаяз и Садри бей все это, то есть дисциплину у соседних племен, а также беспорядочные состояния в своих сообществах не могли не понимать. Несмотря на это они продолжали считать, что все другие народы могли бы жить лишь под руководством и духовным предводительством казанцев. Сейчас Гаяз Исхаки якобы хочет прибыть в Восточный Туркестан. Если татарский писатель, ни разу в жизни не прочувствовал необходимости поехать и увидеть Туркестан, ныне сумеет без всяких предварительных условий войти туда как в семью, взобраться на его горы, изучить обычаи, бытующие среди племен, возможно, и в его писательской жизни начнется новый период, о чем я говорил еще в 1924 году в Берлине. Однако у Гаяза, собравшегося в Туркестан как «Идель-Уральский политик», исполняемые дела будут совершенно другие, а именно: казанских тюрков, живущих там и смешавшихся с остальными тюрками в качестве кровных родственников, отделить от других во имя «тюркского единства и мусульманства» и в качестве особого общества связать их с умершим уже Оренбургским духовным управлением и «Национальным управлением», развертывание там «национального раздора», смутяинства, вевшихся в кровь.

Борьба Садри и Гаяз беев в пользу «Идель-Урала» в целях достижения гегемонии и авторитета Казани, считая приемлемым любые способы ее ведения, вызывает сожаление, однако все это опирается на некую глубокую убежденность, на какое-то внутреннее нравственное чувство. Где обретает свою основу это «нравственное чувство»? И почему эти люди бывают так глубоко оскорблены любым словом, которое, по их мнению, сказано против их «священного» представительства и мечтаний о безраздельном влиянии на других? Думаю, что причины этого кроются лишь в ближайшем историческом периоде, возможно, все это результат исторических воспоминаний прошлого века. Даже до конца XIX столетия для татар самым великим авторитетом была Бухара. До последнего времени на учебу уезжали туда. Существовало верование, что покаяние татарина, некогда принявшего христианство, не будет принято, пока он не посетит Бухару. В деревнях до самого последнего времени бытовало именно такое понимание. Из городских тюрков отдельный круг людей, именуемые в Сырдарьинской стороне «ходжа», а в Поволжье — «абыз» (хафиз, то есть знающий Коран наизусть), еще в XVI веке в степях, представляя исламскую культуру, вели борьбу против старых «бакши». Однако «абызы» (или «абызы», «Әби»), из-за того, что больше были заняты торговлей, среди башкир и казахов встречались с некоторой долей пренебрежения, да и сами не стремились представлять себя в качестве религиозных авторитетов. Вместе с тем, с другой стороны, еще в начале XIX века, в период, ког-

127

революции в Ташкенте, Семипалатинске и Оренбурге в киргиз-казахских журналах и ежегодниках статьи таких уважаемых людей, как Танышбайголу Мехметжан, Гумерогул Ильяз, Достмухаметогул Халил, посвященные тюркской истории и литературе, а так же на стихи Джумабайголу Магджана. В них великая тюркская культура возвеличивается не для сохранения татарского гегемонизма, как это делают некоторые «идель-уральские» деятели, а со всей искренностью. Этот тюркский национальный дух не оставляет никакого места для отатаривания этих народов. Позже русская культура, железная дорога, базары и ярмарки дошли до собственных ворот башкир, киргизов и узбеков, русские переселенцы везде поселились среди этих племен и русский язык распространился в степях и культурных центрах Туркестана, поэтому каждый привык общаться с русскими напрямую и потребности в татарских переводчиках не осталась. Уже до мировой войны число киргиз-казахов, обучающихся в высших и средних русских учебных заведениях, было больше, чем казанских татар. Кроме того, для этих тюркских племен, составляющих большинство населения в собственных странах, владеющих и пользующихся значительной частью земли, борьба за независимость в сущности своей является не религиозным, а национально-экономическим вопросом. Поэтому они никак не смогут понять «культуру Зулейхи» господ Садри и Гаяза, не смогут в течение веков удовлетвориться одной мечетью среди тысяч церквей. Для части казанских тюрков, которые, вероятно, являются потомками казар и булгар, жить, скрывая свою религию, возможно дело. Так как еще в XII веке Ахмет Туси, написавший для сельджуков одну книгу по географии, засвидетельствовал то, что болгарские тюрки, живя, смешавшись со всех сторон гяурами, хорошо сохраняют свою религию (ислам). Однако большинство казанских тюрков, мшаре, киргизы и башкиры не встанут на такой путь борьбы по-еврейски, таких способностей у них нет, так как они в большей степени сохранили свой военный дух. Новая «татарская литература» таких, как Гаяз Исхаки в конце XIX века сформировалась и обрела мощь как самая серьезная мера борьбы против русификаторской политики среди татар, она вышла на арену как реакция против движения переселиться в Турцию и Туркестан, за существование внутри России, находя прекрасные стороны жизни в собственной среде, оставаясь «российскими мусульманами», успешно приобщаясь к российской культуре. Отныне и эти притязания потеряли свое значение и устарели.

Во-первых, остальные тюрки хорошо сохранили свои древние традиции, дастаны, исторические мелодии, обычаи, нравственные правила, которые забыты значительной частью казанских тюрков. И язык у них по сбережению богатств тюркских языков сохранился лучше по сравнению с языком населения города Казани.

Из-за того, что в данное время еще не образовался единый литературный язык, используются все эти диалекты. У этих племен многоис-

129

ленные кадры образования, выросшие среди них самих, повсеместно дела образования взяли в собственные руки. В этих условиях попытки насильно навязывать им татарский язык, татарских учителей, а также татарских мулл — бесполезное занятие. Проявленные на этом пути рвение, опекуничество, сектантский вождизм надоед всем и вызывает чувство отвращения. В данное время исправление этого положения, то есть установление среди родственных народов вместо ненависти чувства любви, в силу еще нескольких причин, превратилось для казанских тюрок в одну из ключевых задач.

Известно, какие впечатления оставили провокаторское использование русскими в 1919–1922 годы татарских полков в Туркестане, а также то, что несмотря на решения башкирских курултайов о национальном равенстве, татарские крестьяне некоторых сел и волостей под влиянием отдельных провокаторов по земельному вопросу были заодно с русскими и то, что налоги они отдавали не национальному правительству, а отозили правлению соседних русских губерний. При таких отношениях каким образом эти племена могут принять культурное и духовное руководство «идель-уральцев»? Так же, как и казанцы, области других народов, хотя бы на словах, обрели форму республик. Каждому из племенных диалектов специально приспособлен латинский алфавит и они обрели такие формы, что одно племя не может понять то, что написано на другом диалекте, и к тому же книги, и газеты, изданные на новом татарском алфавите, превратились в диковинки, недоступные не только обычному киргизу или башкиру, но это с трудом прочитываемые тексты даже для тех, кто знаком с тюркской филологией и хорошо знает все эти различные диалекты. Отныне национальное единство между среднетюркскими народами и вопрос о едином литературном языке не может рассматриваться с точки зрения авторитета Казани, возникла необходимость рассматривать ее с совершенно иных фундаментальных основ. Если бы эти, прожившие жизнь, много повидавшие, Садри Максуди и Гаяз бей были бы не татарскими фанатиками, а нормальными, толерантными людьми с трезвыми взглядами, то они оставили бы в стороне вопросы культурного и религиозного превосходства Казани и смогли бы все другие проблемы с удовлетворением, по-братски обсуждать и подвергать анализу совместно с представителями других тюркских народов как равные члены всего тюркского сообщества. Однако они из-за своей фанатичности ни одну серьезную проблему не могут спокойно обсуждать даже в течение пяти минут и понять друг друга. Из-за неверия в силу собственных убеждений они пытаются свои воззрения навязать путем доносов на те или иные правительства, проклятий и обвинений, то есть насильно. Садри Максуди в России вместе с муллами и кадетами один раз уже умер. Шайку Садри и Аяз писатель Галимьян Ибрагим своим опубликованным трудом «Черные маяки», написанным о них, а также в Казахстане поэт Магдан в своих стихах, направленных против татарского гегемонизма, действ-

130

беседах. Несмотря на все это они считают меня тем, кто погубил все их надежды на муфтият в Башкудистане и влияние Казани не публикациями и не убеждениями своими, а как человек, который нанес им вечное оскорбление тем, что действительно подвинул эту область на путь автономии и самостоятельности, покончив тем самым также с надеждой татаризации киргизов. Таким образом, они считают меня национальным и религиозным врагом, одним из тех, кто разрушил их всеобъемлющие мечты о «золотоордынской казанско-татарской культуре». Они, несмотря на свои лицемерные улыбки, являются такими врагами, что я, в течение нескольких лет воюя с оружием в руках, среди самых различных русских групп не встречал таких врагов, как Садри и Гаяз бей, которые были бы вечными врагами всего моего существа, результатов всей моей духовной деятельности. Если бы могли, они преследовали бы меня по всем углам, облакаясь в самые различные виды. Из всего, что сейчас мною написано, ни одна строчка для них не будет служить толчком к позитивной мысли по тому или иному вопросу. Для Садри-бей эти записи будут иметь лишь одно значение: как бумага, свидетельствующая о его постоянной верности идее единства и централизации России. А Гаяз-бей по поводу этих записей в течение многих лет будет писать цепь статей, заполненных самыми различными проклятиями. Возможно и сейчас он, введя в заблуждение легковверных, во имя тюрко-татарской нации собирает подписи под каким-либо протестом или, возможно, направляет в Венскую полицию обо мне какой-нибудь донос. Отныне, об их такого рода художествах, не откладывая, буду сообщать в турецкой печати. Хватит молчать.

На непрекращающуюся с 1917 года клевету и напраслину Гаяза Исхаки на страницах печати в мой адрес я до сих пор ни разу не отвечал. Тем более мне и в голову не приходила мысль заниматься этим за рубежом. Однако в 1925 году в Берлине, в момент, когда они, как и мы, собирались выехать в Турцию, Гаяз Исхаки предпринял против нас ряд мер, которые нам ясно показали, какими путями они в Турции будут действовать против нас, какого рода усилия они приложат, чтобы отравить отношения между борцами-соратниками, вынужденными эмигрировать с родины после участия в национально-освободительной борьбе в Туркестане. Увидев это, мы насторожились и вместе с одним другом написали обстоятельный труд под названием «Татарская культура или Туркестанская культура?», где объяснили суть идейной борьбы между нами, происходившей в России. После прибытия в Турцию, посчитав нецелесообразным отвлекать внимание турок былыми проблемами России, ставшими предметом истории, мы отказались от намерения публиковать написанное. В 1927–1929 годы я руководил изданием журнала «Yeni Turkistan» («Новый Туркестан»). В это время всплыли наружу интриги против нас Гаяза и Садри беев, стали известны предпринятые Гаязом меры против нашего журнала

132

тельно утвердили в памяти молодежи как «черных маяков». Отныне они с надеждой на роль башилл, распространяемых от трупа ветром, приступили к своей деятельности за рубежом. Если они с помощью того или иного иностранного государства смогут обрести форму политической группировки и, воспользовавшись какой-либо сменой режима в России, смогут снова приступить там к деятельности, то тогда жизнь восточных и северных тюрок будет происходить не в стремлении претворения в жизнь общего и позитивного плана по общим проблемам, принятого путем общего братского обсуждения, а будет протекать в попытках противостояния их интригам и провокациям, которых они будут совершать, опираясь на те или иные русские политические силы. Объясняемые такими многослойными именами как «тюркско-татарская культура» или «Идель-Уральское единство», Казанское представительство и его дух представляет нечто иное, как гоиник на теле средних тюрок, называемых нами как северные и восточные тюрки. Пока господствует этот дух, казанские тюрки не могут быть братски приняты ни в одном из тюркских сообществ, и они будут поэтому вызывать чувство недовольства у всех других тюркских народов. По мнению Гаяза Исхаки, с точки зрения их религиозной борьбы и сознания «Зудейхи» для «Российских мусульман» самым великим национальным врагом являются ортодоксальные миссионеры. Поэтому он и противников агрессивного татарского гегемонизма отмечает тем же ярлыком. В газетах, публикуемых в Петербурге и Москве, он постоянно оскорблял, называя «миссионерами» таких руководителей казах-киргизов, как Алихан Букейхан, Ахмет Байтурсун и Мирканп Дулат, и казахскую литературу называл миссионерской литературой. Этим самым он очень обидел казах-киргизскую интеллигенцию. И в своих ругательских статьях обо мне применял те же выражения. И он, так же как и Садри Максуди, желал меня как личность подвергнуть вечному позору, пытался стереть и выбросить все результаты моей научной работы, представив их как усилия в угоду русских миссионеров. Лично я в течение шести лет жизни в России после революции свои мысли о национальном языке выразил лишь дважды: первый раз в 1917 году в прочитанном мною докладе на Московском съезде и другой раз в первом номере газеты «Башкурт» открыто сказал о том, что «Общим литературным языком для средних тюрок станет язык Туркестана». Все шесть лет моей жизни после революции были целиком посвящены вопросам управления нашими областями, их экономическим вопросам и еще больше — созданию войсковых частей и военным действиям, поэтому за это время я не написал ни одной строчки по проблемам языка и культуры. А что касается вопроса о муфтияте, из-за того, что я рассматривал его лишь как дело, относящееся к муллам, да и народ наш проявил к нему полное равнодушие, никогда не придавал этому значения и не потратил на него и пяти минут времени. По отношению к Садри и Гаязу у меня нет никаких личных счетов, я их не оскорблял не только в печати или публично, но даже в частных

131

как врага религии. Несмотря на все это, я не написал против них ни единого слова, воздержался даже от малейшего намека. Более того, написал статьи, где шла речь об истории культурных взаимосвязей Туркестана и Поволжских тюрок и о сегодняшних возможностях их совместного сотрудничества. С другой стороны, мы, имея в виду деликатность проблемы, учитывали также и то, что обсуждение истории нашей борьбы против идей, присущих лишь определенной части казанских тюрок, в Турции будет восприниматься как идеология, характерная для всех казанцев. Наконец, мы думали, все это не что иное, как свара между близкими родственниками, уляжется сама по себе, не следует беречь эту рану. Однако эта рана, вопреки нашим ожиданиям, сама по себе не зажила, перед лицом самых великих представителей народа, на основополагающем конгрессе, обсуждающем фундаментальные проблемы культурной мощи нации, мы были обвинены в предательстве нации. Вопрос не был исчерпан и этим, мое молчание и после этого события истолковали в том смысле, что я признал свое падение. Поэтому я был вынужден написать эти строки. Поэтому я должен со всей определенностью объяснить, что так называемые «идель-уральцы» среди казанских тюрок представлены лишь группой во главе с Садри Максуди и Гаязом Исхаки.

Интеллигенция казанских тюрок и большинство их молодежи еще в 1917 году, как и в других тюркских регионах, объединились в группы федералистов. Они желали образовать автономную татарскую государственность из уездов вокруг Казани, где в то время татарское население действительно составляло большинство, или ради того, чтобы избежать в будущем проблем, характерных для Поволжья, хотели, воспользовавшись децентрализацией России, заниматься в других тюркских областях. Враждебная им группа «идель-уральцев» во главе с Садри и Гаяз бейами в основном опирались, как было уже выше сказано, на духовенство и группу торговцев. В выборах 1917 года, в особенности, в ходе выборов в Российское Учредительное собрание, несмотря на то, что эта группа затратила для пропаганды много денег и сил, ничего не смогла добиться, везде с подавляющим большинством голосов все депутатские места завоевали федералисты. Садри Максуди ввиду того, что скомпрометировал себя принадлежностью к кадетам и Российским приверженцам централизации, и опасаясь, что нанесет вред своим единомышленникам — кандидатам в депутаты, не включил себя в список борющихся за кандидатские мандаты. Ныне существующая Республика Татарстан — результат стараний федералистов. Эта республика из-за борьбы группы Садри Максуди и Гаяза Исхаки против движения за автономно не была организована вовремя, образовалась лишь в 1920 году, и тем самым внушаемый группой Садри — Гаяза татарский экспансионизм был подрезан под корень. В ходе организации этой республики в своем приветственном письме из Москвы казанским руководителям

133

федералистам я сообщил, что подобно тому, как в организации Республики Башкортостан принимали участие казанцы, точно так же и мы готовы сделать все от нас зависящее для становления Республики Татарстан, что лично я сам готов приехать в Казань и выступить перед населением. Изложил также мысль о том, что усилия по сотрудничеству между башкирами и татарами будут полезными и в деле эффективного разрешения межнациональных проблем между ними. То же мое мнение придерживались и представители Туркестана и Казахстана, как раз в те дни собравшиеся в Москве. Желание выехать в Татарстан с выступлениями не осуществилось ввиду того, что возникла необходимость разорвать отношения с Советами и уехать в Туркестан для возобновления борьбы. Однако и сегодня для меня остается желанной мечтой совместная работа на ниве культуры вместе с молодежью Казани, также как и с молодежью других тюркских народов. И та проблема, которой я сегодня занимаюсь, будет вызывать интерес в первую очередь у казанских тюрков (перевозку и комментарию обнаруженной мною в Иране рукописный экземпляр книги Ибн Фадлана). Наши требования в 1917 году никоим образом не противоречили требованиям основной массы казанцев. Разница заключалась лишь в том, что они объявление автономии затянули до 1920 года, в то время как башкиры, казахи и туркестанцы еще в 1917 году, то есть на три года раньше, объявили о своей автономии. Принятое 22 июня знаменитого 1917 года на Всебашкирском курултае решение относительно формы управления заключалось в следующем: в России должна восторжествовать децентрализация власти, после чего так же, как и в других странах, необходимо добиться освобождения Башкортостана от чужеземной зависимости. Это освобождение башкир было связано с возрождением былых, общих со всеми среднеазиатскими тюрками, каноническое национальное существование, с достижением подлинной самостоятельности в собственной стране, с взятием политического управления родины в собственные руки, объединившись с тюркскими народами, населяющими обширные пространства с востока и запада Башкортостана (такова суть решений, принятых в 1917 году в Оренбурге и в 1918 году в Уфе). Кроме того, этот курултай, приняв решение о равном распределении башкирских земель между татарскими и башкирскими крестьянами, поощрил переселение татар в Башкортостан. Действительное воссоединение трех областей (Башкортостана, Казахстана, Туркестана), объявивших о своей самостоятельности, в то время не могло быть осуществлено, так как национальное правительство Туркестана еще в начале 1918 года было распущено большевиками, и его члены, прибыв в Казахстан и Башкортостан, работали в их пользу. Союзники в Сибири ввиду того, что в тот период Украина и Азербайджан оказались в руках Германии и Турции, запретили предоставление оружия башкирским и казахским войскам. Несмотря на это, правительство Казахстана в Семипалатинске и правительство Башкортостана в Оренбурге все общеполитические воп-

134

достоин уважения и со стороны других народов. Если представитель одного народа обосновывается среди другого народа, то ради улучшения взаимоотношения ему следует овладеть языком и принять обычаи этого народа. Вместе с тем совершенно естественно привязанность любого человека к своему народу и его языку. С этой целью мы в конце 1918 года написали проект для создания организации и попытались восстанавить его и здесь, в эмиграции под названием «Средне-тюркское единство».

Один из казанских (киргизских) интеллигентов казанских тюрков, способных по-братски сотрудничать с другими тюрками, называл «косьдысатын», т. е. присоединяющимися, а других, имея в виду группу Садри – Гаяза, называл «косьатын», т. е. присоединяющими. В действительности, в эмиграции представлены и эти «присоединяющиеся», но они, в отличие от «присоединяющихся», не хитры и не пронырливы, а так же, как и другие тюрки, скромны и не стараются выпячивать себя. С другой стороны, приняв участие в борьбе Туркестана, видимо, они не находят нужным в эмиграции возбуждать внутренние противоречия.

Что касается казанских интеллигентов и молодежи, живущей в современной России, то мы должны иметь в виду, что послереволюционная жизнь в корне изменила сознание людей. За исключением части мещеряцкого населения среди основной части казанцев господствовала мелкая торговля в собственной этнографической среде. Немногочисленные татарские интеллигенты, получившие высшее образование на русском языке, до революции в большинстве случаев оставались в своей татарской среде. Я знал людей, которые, получив высшее образование железнодорожного инженера или в высшей торговой школе, не вступали на путь профессиональной карьеры, работая в любой точке России, а начинали заниматься национальной историей и филологией. Один из таких инженеров, и ныне продолжающий заниматься филологией, говорил в 1916 году следующее: «Для работы по полученной специальности в национальной среде для меня никакого дела нет. Я не желаю, поехав в какую-либо окраинную губернию, как обычный русский служащий, затеряться в Сибири, Туркестане или Кавказе». Дело в том, что для этих людей «национальное пространство» состояло лишь из татарского окружения и там, действительно, кроме изготовления и торговли национальной одеждой, распродажи национальных книг никакой иной национальной экономики не было. Более того, ввиду отсутствия, в отличие от башкир и киргизов, и специфического национального земельного вопроса, они чувствовали себя спокойно. В силу совершившихся перемен за семнадцатилетний период после русской революции, в борьбе за существование в условиях бедности и уныния выросли новые люди. После исчезновения частной торговли, ранее считавшейся единственным источником жизнедеятельности, каждый почувствовал необходимость работы в управленческих и экономических учреждениях государства. Ввиду преследования ре-

136

росы определяли сообщая из одного центра. Эти дни сотрудничества, оставившие чрезвычайно дорогое нашему сердцу воспоминание, воспеты башкирским поэтом Саитгареем Магазом в стихах, опубликованных в Семипалатинске в газете «Алаш Орда», и казахским поэтом Магжаном в стихах «Урал», опубликованных в газетах и в сборнике его стихов. В то время сотни казанских федералистов, сотрудничающих в Башкортостане с башкирами, все это состояние дел прекрасно понимали. В противовес отрицательной пропаганде группы Гаяза Ихсаки, они достигли с нами искреннего сотрудничества. Даже если это и покажется излишней подробностью, я не премину перечислить имена этих личностей: офицеры, не щадя жизни борющиеся за свободу Башкортостана, возродившие дух древних кипчаков, героически погибшие в бою Абдулла Абдрашитов и Учаров; офицеры, занимавшиеся организацией национальной армии, Абдрашит Бикбаев, генерал Ишбулатов, Алишев, Усман и Гали Терегуловы, руководившие хозяйственными и экономическими делами Ильяс Алкин, Абдулла Адигамаев, Абдулла Салихов, Джигангир Амиров, Салимжанов, Баязит Еникеев, Каспранский, занимавшиеся в сфере просвещения и печати сыновья Ризаитдина Фахретдинова Габдрахман и Габдрашит, Абдулла Сулейманов и другие. Некоторая часть этих казанцев позже вместе с нами приняли участие в национально-освободительной борьбе в Туркестане. Не могу не упомянуть среди них Суяндукова и Шахкулова и их соратников, особенно одиннадцать офицеров, отдавших свои жизни в этой борьбе. Казанцы, обосновавшиеся в Узбекистане и Казахстане, в основном в Семиреченской и Семипалатинской губерниях, искренне и преданно сотрудничали с местными тюрками, и никто к ним не относился как к чужестранцам. Наша общая точка зрения о взаимоотношениях между тюркскими народами, выработанная совместно с этими казанцами, в особенности с Ильясом Алкиным и его единомышленниками, вкратце может быть резюмирована следующим образом: «Общая политическая организация средне-тюркских народов¹ возможна на основе федерации, так как политическое и культурное будущее этих народов будет складываться наподобие объединения немецких земель. Общий национальный и литературный язык представляет собою идеальную цель для всех наших народов. Этот язык не сформируется путем замены языка одного народа языком другого народа. Он может сформироваться с появлением общей почвы для совместной культурной деятельности как естественный результат соревнования в сфере культуры, как, например, преобладание восточных диалектов финского языка над западными. Диалект, моральные нормы и обычаи каждого народа любимы и дороги на своей родине, в собственной среде, и с этой точки зрения они

¹ Имеются в виду тюркские народы Урало-Поволжья, Казахстана и Средней Азии за исключением Восточного Туркестана в составе Китая, якутов в Сибири и других на востоке и Азербайджана, Турции, а также чувашей на западе (А. Ю.).

135

лигии, считавшейся единственной основой национальной политики, возникла необходимость поисков других основ национальной политики и культуры и нахождения их экономического фундамента. Русскому языку, изучение которого раньше было доступно только тем, кто учился в русских учебных заведениях, ныне жизнь сама учит непосредственно и сразу, что создает угрозу существованию национального языка. Старый национальный очаг разрушен. Произошло раздробление тюркских культурных сил, а управление его ушло из рук народов. Над старой поговоркой «Не лезь в воду, утонешь» взяла верх другая – «Плавать можно научиться лишь в воде». Ныне татарские интеллигенты не остаются замкнутыми в татарской среде, а начали проявлять себя во всех частях России в организационных делах в политических и экономических сферах. Очень многие работали в Туркестане или занимались туркестанскими проблемами, и они воочию увидели свою великую национальную родину, которая превращается в пространство использования техники, а техника в наше время займет в жизни господствующее положение. Производство, опубликованное казанцем Ильясом Алкиным об экономике Средней Азии, – документ, показывающий, что для казанских интеллигентов сейчас национальная экономика не сводится лишь к торговле национальной одеждой. В действительности самое важное событие в современной жизни российских тюрков – переезд из таких мест, как Казань, расположенных в европейской России, в политическую и культурную жизнь централизованной, в те места, где тюрки живут, составляя большинство населения, – в Туркестан. Эти регионы являются тем центром, откуда сегодняшняя Россия стремится достичь политического и экономического господства над всей Средней Азией. Соперничество русских, англичан, китайцев и японцев в достижении господства над Азией является также источником борьбы тюркского народа, в ходе которого для него решается вопрос – жить или исчезнуть.

На современном этапе, когда во всех частях света в экономической жизни вместо либерализма в широком масштабе начинается использование способа государственного управления. В условиях взаимосвязанной равнинной культуры Туркестана с степью больших рек, питаемых вечными ледниками гряды высоких гор, эта страна имеет самые удобные условия для использования современной техники в сельском хозяйстве. Поэтому эта страна, состоящая из малозаселенных равнин, в чьих бы руках она ни оказалась, станет ареной для самых широких экономических возможностей, площадью для самых грандиозных строек. Программа, определяющая будущее этой страны, заключается в следующем: производство хлопка, соревнование с Америкой в развитии сельского хозяйства с помощью применения орошаемого земледелия, в стране, считающейся аграрной, обработка произведенного у себя хлопка и шерсти на собственных текстильных фабриках, превращение страны в великое промышленное государство, в широком масштабе добывающее нефть и руду, производящее «белый уголь» –

137

электроэнергию. Несмотря на то, что при управляемой сегодня русскими политической и экономической жизни интересы русских и местных тюрков прямо противоположны, обнадеживающим является участие местной тюркской молодежи в этой жизненной борьбе, так как наш самый опасный враг был заложен в нашем собственном сознании. Это было ничто иное, чем убеждение, оставив арену борьбы за материальные интересы русским, ради национального существования занимаясь лишь культурно-духовными вопросами.

Советы в целях победы в споре за господство над Средней Азией с англичанами и японцами строят шоссе, автомобильные дороги в горах Памир, Тянь-Шань, связывает эти регионы сетью воздушного транспорта, телефона и телеграфа, радио, для переселения в будущем в эти места еще большего количества русских переселенцев, определяют пути более масштабного использования влаги высокогорных ледников в деле орошения земель. Как в целях достижения этих целей, так и исходя из желания действительно господствовать над природой, русские в высоких местах упомянутых гор строят станции по изучению природы. В это время, когда в Средней Азии тюркский народ вступил в один из самых опасных для его будущего периодов своего существования, утешительным является следующее: местная тюркская молодежь засучила рукава для участия в вышеупомянутых сферах деятельности, хорошо поняв значимость всех этих вопросов, они начали публиковать статьи о них в русской, тюркской печати, выходящей как на месте, так и в Москве, серьезно поняли также значение службы в армии и занятия спортом. Обнадеживает также участие молодежи из казанских тюрков, живущих там, во всей этой деятельности, воспринимается все это как национальные проблемы собственного народа. Я хочу сказать, что вопрос о национальной борьбе не сводится, как это было в царское время, к устройству «летушинных боев» с миссионерами, вопросам жертвоприношений, устройству «крематориев» как это было при мусульманских членах прежней «Думы». Сегодня предстоит совместная работа с русскими в экономическом и культурном строительстве, в сфере техники. Чтобы когда-то в будущем все эти дела взять в собственные руки, нужно преодолеть препятствия, создаваемые русскими на этом пути.

Если глубже рассматривать складывающееся положение, то видно, что экономическая жизнь в Поволжье становится частью внутренних проблем европейской России. В 1917 году мы защищали идею переселения тюрков, живущих в Поволжье в разрозненном состоянии среди русского большинства, к берегам Яика (Урала), в восточный Башкурдистан и западный Казахстан, и это дело в 1919 году действительно начали осуществлять. Между тем «идель-уральцы», не желая переселения тюрков Поволжья на восток, претендовали на то, чтобы, кроме Башкурдистана, из восточной части Казахстана Букей Ордынская область присоединилась к Казани. Сейчас все эти вопросы из-за проводимой

лишь области, обладающие возможностями местной автономии. От того, будут ли они одной или тремя республиками, их значимость не возрастет. И это не вопрос симпатии или антипатии между данными народами. Проблема заключается в том, чтобы в республике не были включены волости, где русские составляют большинство населения. В республиках существует необходимость увеличения численности тюркского населения на каждые сто человек. Я лично изучал историю тюрков ради глубокого понимания нашей современной жизни и прежде всего желаю как можно лучше знать современное состояние дел. С этой целью в 1915–1916 годы я изучил информацию, относящуюся к экономической жизни российских тюрков по данным 1894–1914 годов по всем губерниям их расселения, работая в этнографическом отделе Петербургского географического общества и в библиотеке управления русским переселенческим движением, а также по публикациям как вышеупомянутых учреждений, так и статистических комитетов губернских управлений (земств) и результаты этих изысканий изложил в июне 1917 года в Ташкенте, а также на майском съезде в Москве. Это было лишь началом. Сейчас, будь то в трех упомянутых республиках или в Казахстане, данное дело доведено до конца и экономические географии этих республик изучены и изданы как на русском, так и на тюркских языках. Теперь ни в Башкурдистане, ни в Татарстане никто не поверит ни шуму Садри и Гаяз беев об «Идель-Урале», создаваемому ими для сокрытия своих старых притязаний, ни статьям Гаяз-бея, опубликованным на русском и французском языках, содержащим выдуманные цифры о численности населения на Среднем и Южном Урале, в Поволжье с целью грубейшего обмана народа в том, что якобы татары «оторваны от собственного Духовного управления». Стремления казанской молодежи, работающей в этих республиках, направлены на местные насущные нужды и интересы, предопределены конкретными обстоятельствами, отраженными в цифрах из реальной жизни. Между пустыми мечтаниями Казани быть наследником средневековой Золотой Орды, стремлением стать гегемоном над соседними народами и устремлениями нынешней молодежи нет ничего общего. Сейчас попытки «идель-уральцев» методом интриг, с помощью старых, прогнивших и пропущих притязаний завоевать симпатии тюркской общественности внутри России и за ее пределами будут напоминать интеллигентной молодежи Казани, выросшей в годы революций, дореволюционных татарских торговцев, продающих на улицах русских городов всякое старье, или мулл со средневековым сознанием в длиннополых халатах – все это будет встречено этой молодежью с чувством глубокой неприязни.

III

Теперь обратим внимание на «научную» сторону «идель-уральского» вопроса. Может быть, я, как утверждает Садри Максуди, действи-

Советами крайне радикальной экономической и переселенческой политики в революционной форме приобретают совершенно иные формы.

В бассейне реки Яик по прошлому пятилетнему плану под названием Магнитогорск был основан центр металлургической промышленности России. Возможно, этот город-завод будет жизненной артерией всей страны и туда, также согласно вышеупомянутому плану, были переселены 15 тысяч русских рабочих. Кроме того, были созданы еще несколько второстепенных промышленных центров. А второй пятилетний план содержит в себе пункты, которые предусматривают в юго-восточной части Башкурдистана (вокруг Стерлитамака и Орска) организацию в широких масштабах добычи нефти, залежи которой здесь недавно были открыты, превращение этого региона в новый центр по нефтепереработке, соединение его с нефтяными промыслами на Эмбе (Жим), расположенными в Западном Казахстане на берегу Хазарского моря, прокладку нефтепроводов и железных дорог. А также строительство в окрестностях Уфы центрального для всей России моторостроительного завода, завершение строительства Челябинского тракторного завода и превращение их обоих в два больших российских промышленных города и связывание всех их на деле с Уральским (Свердловск) и Западно-Сибирским (Кузнецк) промышленными центрами вошли также в новый пятилетний план, и самым серьезным образом началось претворение их в жизнь. Берега Волги еще в XVIII веке после рассеяния калмыков обрели вид территории с преобладающим русским населением. В данное время в бассейнах рек Волга и Яик, соединив Россию с другим центром нефтедобычи, Эмбой, железными дорогами и нефтепроводами, а также строительством каналов, осуществляется переселение населения. Переселенными во все эти новые площади строительства являются не казанские тюрки, а русские.

Надеюсь, на фоне этого положения там хорошо понимают, в чем заключаются обязанности казанских тюрков. Мы слышим о том, что татарские коммунисты, работающие в сельскохозяйственном министерстве Туркестана, предпринимают меры по переселению в Туркестан тех казанских тюрков, которые в рассеянном виде живут по всей России в областях, не входящих в Татарскую и Башкирскую республики. Если казанские тюрки поселятся по всему Туркестану, особенно в подходящем для них по климатическим условиям Казахстане, и будут служить увеличению там численности тюркского населения и принимать участие в благоустройстве жизни, то они выполняют свою самую великую историческую обязанность. Из тюркских национальных государственных образований в Поволжье и на Урале в нашу бытность там мы планировали присоединение восточной части Башкурдистана (прежняя Оренбургская губерния), то есть «Малой Башкирии», к Казахстану. В последнее время к Башкурдистану большевики присоединили и бывшую Уфимскую губернию. Республики Башкурдистан, Татарстан, а также автономная область чувашских тюрков – всего

только воспользовался ложными источниками? Или же я, как упрекает меня Ахмет Мугиб-бей, еще больше раздувая дело, был уличен в ложном толковании первоисточников?

1) Прежде всего ответу на одно прямое обвинение Шемсиддин бей: у Ибн аль-Атхира есть сведения о приятии ислама тюркским народом, численность которого один раз оценивается в двести тысяч шатров (юрт), другой раз – в десять тысяч шатров (издание Горенберга, VIII, 396, IX, 356). На этой основе я сделал вывод, что «эти сведения относятся к тюркам, жившим в современных киргиз-казахских степях, исходя из этого, можно прийти к заключению, что общая численность населения была около одного миллиона». В связи с моими суждениями Шемсиддин-бей говорит следующее: «Заки Валиди-бей один конец этой площади, на которой проживал народ в двухстах тысячах киби́тках, то есть около миллиона населения, продвигает до севера реки Сейхун, а второй конец – до другого конца Кашгарской области». Между тем я и в своем выступлении (Протоколы, 174 стр.) и в своих записках о книгах «Ана Хатлар» и «Тарих», которые до сих пор у меня на руках, ничего подобного не говорил, то есть размер площади, упоминаемой Ибн аль-Атхиром, таким образом не объяснял. Объяснял смысл этого источника, я ни одним словом не упоминал «север Сейхуна» и «другую сторону Кашгара».

2) Шемсиддин-бей в ироничном тоне пишет также, что «согласно объяснениям Заки Валиди-бея во всем западном Туркестане вместе с Мавераннахром и Тохаристаном численность населения составляла около одного миллиона». Но я ни в своем выступлении, ни в записке ничего подобного не писал и не говорил. Вообще в этих записках я ни разу не применил слово «Тохаристан». Всем известно, что Тохаристан представлял собой северо-западную часть современного Афганистана. А я ни словом не обмолвился об Афганистане. Также я ничего не говорил о том, что у Ибн аль-Атхира пишется что-либо, касающееся Мавераннахра. Я вел речь лишь о пространстве «между Баласагуном и Булгарями», то есть о Казахстане между бассейнами рек Чу и Волга, считая, что в XVI веке численность населения на этих землях не превышала одного-полтора миллиона человек.

3) А Садри Максуди-бей в своих выступлениях (Протоколы Конгресса, стр. 389–397) обвинил меня в том, что в своей записке, в тексте на одной странице, я 9–10 раз использовал источники, извратив их смысл.

Вначале он говорил о городе Талас. По мнению Садри-бея, это один из тех городов, которые исчезли из-за все усиливающейся засухи, места их расположения якобы покрыты толщей песка и поэтому до сих пор не определены («Ана Хатлар», стр. 409–410). Я же говорил о том, что этот город не находился на территории, которую якобы покрыло вымышленное наступление песков, а расположен на плодородных землях и он до сих пор существует под названием «Аулия Ата».

и что место расположения упоминаемого в древней истории города Талас известно, но изменилось его название. И сейчас придерживаюсь того же взгляда. Мысль о том, что древний Талас располагался на берегу реки, которая доныне носит название Талас и что место расположения древнего Таласа и нынешнего Аулия Ата совпадают, впервые была высказана нашим собственным тюркским ученым Чокан Султаном¹ еще в 1858 году, и это было написано им в его произведении, опубликованном в 1888 году у упоминаемого и Садри-бею английского ученого Бертиншайдера (Т. I, стр. 19, 258). То, что Талас является нынешним Аулия Ата, подтверждается сведениями о его географическом месте и о его расстоянии от соседних городов, содержащимися в китайских, арабских, персидских и тюркских источниках. В этом отношении даже нет необходимости приводить ссылку на произведения кого-либо из европейских ученых в качестве источника. Аль Бируни точку расположения этого города вычислил и указал с точностью до градусов и минут по долготе и широте. Из древних географов Ибн Хурдадбег, Кидаме и Идрис ясно определили, сколько фарсахов (фарсах — около 5 км) расстояния было от этого города до станций, находящихся на великом торговом пути от современного города Сайрама (Исфиджаб) до современного Мерки (Берки), а Мукаддаси четко определил, что этот город возник на берегу большой реки (то есть реки Талас), на берегу которой находится Аулия Ата. На этих маршрутах расстояния до Таласа в ли (1 ли — полкилометра) показаны также от находящегося к югу Аулия Ата по большой шоссе и железной дороге «Мин Булак» (Абарчак), «Терс Аккан» (Аль-Мад ул маклуб), а также еще и сегодня используемый «каменный очаг» и находящийся на его севере и также существующие под своими древними названиями Ашпара (по произношению киргиз — Аспара) и Мерки. Все эти цифры указывают на месторасположения Аулия Ата. С другой стороны, нынешний город Аулия Ата сегодня свое название получил от двух могил, оставшихся здесь со времен караханидов. По мнению местных тюрков, эти могилы — святые. Над одной из могил, которая известна здесь как захоронение «маленького святого», сохранился прекрасный исполненный надмогильный камень, на котором высечено, что этот святой умер в 600 году по хиджре и он — «Улуг Билге Хан». Известный под именем «Кетте Аулия» большой святой, захороненный в другой могиле, в книгах легенд Ясави назван как «сын Барак хана Аулия Ата Кара Хан». Над каждой из этих двух могил есть мавзолей, выложенный из кирпича. В большой книге по истории и географии великого туркестанского ученого XVII века Махмута Ибн Вели сказано и об этих могилах. В тюркских источниках, посвященных святым реликвиям, находящимся вблизи городов Сайрам и Талас (один из неболь-

¹ Речь идет о казахском ученом Чокане Валиханове (А. Ю.).

послал также через канцелярию. Вместе с тем я направил в Историческое сообщество официальное письмо, объяснив, что такая неполная и незавершенная бумага не имеет никакого значения и попросил ее вернуть обратно. К сожалению, этот черновик мне не вернули, и Садри-бей, воспользовавшись неточностью, вкравшейся в этот черновик, ввел в заблуждение участников Исторического конгресса. В этой бумаге, представляющей собой шестую страничку моей 16-страничной записки о книге «Ана Хатлар», написанной мною 25 июня 1931 года, я упоминаю книгу «Отчет» Бартольда в связи с указанием на 410-й странице книги «Ана Хатлар» в списке источников также и эту книгу Бартольда. Упоминаю также, что на 7–17 страницах этой книги затронулся вопрос о Таласе — Аулия Ата. К сожалению, когда записка печаталась на машинке, была допущена ошибка, вместо «7–17 страниц» напечатано «17 страниц». По существу, Садри-бей воспользовался именно этой опечаткой, не упомянув информацию на 7–16 страницах книги, перевел лишь 17 страниц источника, показал все это участникам Конгресса и, приняв артистическую позу, обращаясь к участникам, сказал: «Видите, бей, Заки Валиди бей в данном случае указал источник, противоречащий истине, и это превратилось в деятельности Валиди некую систему». Бартольд на упомянутой 17 странице сказал, что когда он изучал развалины городов под названием Тени, Яны Балык, Кеңжек, расположенных вблизи Аулия Ата, удаленных друг от друга приблизительно на один фарсах и которые часто упоминались во времена монголов вместе с Таласом, он не смог определить, какие из развалин к какому городу относятся. Арабы, кроме этих трех городов вблизи Таласа, упоминают около десяти крепостей и городов, расположенных друг от друга на расстоянии от половины мили (приблизительно 1 километр) до одного фарсаха. Действительно, вокруг города Талас — Аулия Ата, построенного еще раньше времен арабов, среди деревьев и садов находятся несколько курганов и развалин, но там на поверхности земли не сохранилось какой-либо записи на камне, указывающей, какие развалины к какому из крепостей или городов относятся. Хотя несомненно то, что Талас времен караханидов находился там, где находятся вышеупомянутые две могилы, то есть на месте нынешнего города Аулия Ата, Бартольд в то время не смог выяснить, находился ли на том же месте Талас, упоминаемый арабами. Но он крепость арабского Таласа искал «на месте современного Аулия Ата» или у курганов, «находящихся несколько южнее». Бартольд на 9, 15–16 страницах этого своего труда, указав маршруты арабов, относящиеся к Таласу — Аулия Ата и его окрестностям, некоторые места указал со всей определенностью и после этого на 16 странице говорит следующее: «Как ясно вытекает из разъяснений Макдиси, основная часть города Талас располагалась на левом берегу реки, следовательно, этот город не может идентифицироваться с Тоймакентом (курган). Была ли Аулия Ата на нынешнем своем месте или несколько южнее — это

ших вариантов был опубликован в Ташкенте), могила упомянутого Аулия Карахана упоминается как Талас. Следовательно, Талас времен караханидов представляет собой современный Аулия Ата. Однако известно и следующее: вместе с упоминаемым во времена арабов городом Талас в период монголов упоминается также рядом со старым Таласом и «Новый Талас» (на расстоянии 1 фарсаха). Талас — Аулия Ата, расположенный у могил караханидов, новый или старый Талас? А также к какому из этих двух Таласов относятся развалины и курганы, находящиеся на юге и востоке современного Аулия Ата? В сущности, только эти вопросы оставались невыясненными, так как от Таласа времен арабов не сохранились ни крепость, ни церкви и мечети, ни какие-либо записи. Однако эта проблема была решена в 1925 году русским археологом Масоном в ходе проведенных им исследований, и выяснилось, что крепость Талас (или Тараз) времен арабов находилась на территории нынешних садов на юге современного Аулия Ата и от них там остались развалины под названием «Биш ага» («Пять деревьев»). Именно поэтому Бартольд в своих лекциях по тюркской истории, прочитанных им в Стамбуле (изданный экземпляр, стр. 53), упоминает об одном событии времен саманидов, произошедшем в 892 году по христианскому летоисчислению, твердо утверждает: «Был завоєван город Талас или Тараз, расположенный там, где сейчас находится Аулия Ата». Я же в своем выступлении и записках утверждал, что Талас и Аулия Ата — названия одного и того же города. Однако я не занимался отдельными вопросами о том, какой курган в садах, находящихся как вне, так и внутри современного Аулия Ата, каким из древних крепостей соответствует и когда эти крепости существовали. Я высказалась лишь в общем плане о том, что современный город Аулия Ата соответствует древнему Таласу, и это действительно истина, не оставляющая места ни для какой демагогии.

4) Садри Максуди говорит о том, что я, якобы, в своей записке о книге «Тарих» в качестве источника по установлению места расположения города Талас использую произведение Бартольда «Отчет». Между тем в своей записке, отправленной 29 мая 1932 года за своей подписью, я ни разу не упоминал эту публикацию Бартольда. В данном случае Садри-бей ведет речь не о моей собственной, мною подписанной записке, а не имеюшей ни начала, ни конца и мною не подписанном черновике, посланном литературным факультетом ошибочно. В страничке этого черновика, о котором говорит Садри-бей, речь идет не о книге «Тарих». Черновик этот — часть моей записки 1931 года о книге «Ана хатлар». То, что вместо моей собственной записки была послана страничка иных бумаг, мы узнали, получив официальный запрос Министерства просвещения от 2 июня 1932 года с вопросом: «Почему была послана такая надлежащим образом не подготовленная бумага без подписи?» и с требованием прислать полный вариант записки. И тогда я нашел на факультетской канцелярии свою записку, подписался и

трудно определить. Однако во всяком случае этот город следует искать севернее переправы Капка (ворота), так как он всегда упоминается на торговой дороге, идущей из Еди Су (Семиречья) в Мавераннахр (Исфиджабу и другим), Купшам и особенно таким путешественникам как Юанг-Чанг не было необходимости переходить на другой берег реки (то есть на южную сторону переправы Капка). Упоминаемая здесь переправа Капка находится на 25 километров южнее современного Аулия Ата, по реке Талас. Если Бартольд говорит, что Талас времен арабов располагался севернее этой переправы, на расстоянии четырех фарсахов от «Каменного очага» (Савчер), находящегося на современной шоссе и дороге, на левом берегу реки, следовательно, он говорит о том, что и древний Талас располагался вблизи от современного Аулия Ата и на его окрестностях. Бартольд, не сомневаясь в том, что Талас времен караханидов и современный Аулия Ата, где сейчас найдены записи времен караханидов, высеченные на камнях, и другие произведения того периода, один и тот же город, в других местах упомянутой книги «Отчет» (9 и 30 страницы) пишет: «Талас — Аулия Ата», то есть упоминает Талас как город, представляющий собой то же самое, что и Аулия Ата. Он имеет право искать крепости этого города времен арабов или монголов где угодно. Это то же самое, что искать крепость города Анкара в таких его окрестностях, как Чанаккая, Кечюрген, Джебеджи. Все это является частью общей проблемы и для нас большого значения не имеет. Поэтому я в своей записке говорил не об отдельных частностях проблемы, а напомнил о том, что город Талас в любую историческую эпоху находился далеко от безводных, засушливых пустынь, подвергаемых наступлению песчаных барханов. Для того, чтобы это понять, достаточно бегло просмотреть 7–17 страницы упомянутой книги Бартольда «Отчет», тем более, если эта книга упоминается в публикациях Исторического сообщества в качестве источника...

Бартольд после опубликования книги «Отчет» в 1898 году вновь еще раз вернулся к проблеме «Талас — Аулия Ата» в своей статье, опубликованной в Берлине в «Mitteilungen» семинара по восточным языкам (Westasiatische Studien, I, 151, 167). Он отвергает мысль Томашека, который объединил Талас с Шеджи и поместил его несколько выше по реке и, хотя и не в категорической форме, говорит, что «Древний Талас, по-видимому, находился на том же месте, на каком сегодня находится Аулия Ата» (Konnte die Stadt dieselbe Lage mitt das heutige Aulie Ata haben), так как там «найден остаток древнего строительства и даже постройки, возведенные из кирпича. Мост по реке Талас на каменных колоннах, находящийся в Кара Кемере рядом с современной деревней Джалак Тепе, существовал там издревле, находящаяся за ним упоминаемая у арабов древняя дорога не совпадает с современной почтовой дорогой, а совпадает с караванной дорогой, проходящей южнее». И в других произведениях ученого (например, в статье, помещенной в журнале «Туркьят», 73 страница) так же, как в

данной статье, мысль Бартольда идентична мысли Каллаура, который наилучшим образом изучил эту округу и составил план ее развалин. Оба исследователя придерживались мнения, что караванский путь, упоминаемый в арабских географиях, проходил по мосту Кара Керем, находящемуся рядом с современным Аулия Ата, и до перехода на северную сторону реки Талас совпадал с современной шоссеиной дорогой, и Бартольд в ходе дальнейших исследований добился лишь подтверждения этого мнения.

5) Садр-Махмуд-бей, ведя речь о содержании 17 страниц книги Бартольда «Отчет», говорит, что «оставим в стороне намеки в этом труде на доказательство того, что Талас и Аулия Ата — один и тот же город, но там есть предложения, подтверждающие неизвестность места расположения древнего Таласа». Я вынужден на эти слова обратить особое внимание. Может быть, Бартольд говорил о том, что место расположения Таласа вообще неизвестно? Возможно, в его текстах есть хоть что-то, что могло бы подтвердить вымыслы Садр-бея? Абсолютно! Мы только что убедились, что Бартольд в своей книге «Отчет», хотя и с некоторой осторожностью, говорит: «Талас — Аулия Ата». Но по мере накопления источников и сведений, относящихся к исторической географии этой области, в своих последующих публикациях он высказывает эту мысль с большей категоричностью.

Например, в Исламской энциклопедии (Т. I, стр. 639) пишет: «Тараз — нынешняя Аулия Ата по реке Талас» (Т. III, стр. 974). «Тараз находился рядом с нынешним Аулия Ата». На 155 странице книги «История ирригации в Туркестане», написанной в 1914 году, пишет: «Тараз — сегодня Аулия Ата». В изданном в 1927 году «История культурной жизни Туркестана», на 69 странице пишет: «Тараз — сегодня Аулия Ата». Его слова об этом на лекциях, прочитанных в Стамбуле, мы уже упоминали. Кроме того, во всех своих произведениях о Туркестане и истории тюрков и их исторической географии он неизменно пишет: «Талас — Аулия Ата».

6) Труд, который послужил Бартольду источником для выяснения того, что древний город Тараз находился на большом торговом пути, называемом «Исфиджаб-Мерки», и на левом берегу реки Талас, это комментарий Мукаддаси. Садр-Махмуд, желая, видимо, на Конгрессе показать вопрос о Таласе запутанным, и этот источник перевел, извратив его смысл. В самом источнике говорится следующее: «У города есть ров, его окружающий, и ворота, а также есть махалла за пределами самого города. Рядом с городскими воротами течет большая река»¹. Эти предложения Садр-бея перевел следующим образом:

¹ Экземпляр книги в опубликованном виде имеется в библиотеке Стамбульского университета, а рукописный экземпляр хранится в библиотеке Аясофия. Желющий может сравнить с подлинником.

до-сиян-киен» показывает, что речь идет о Баласагуне. Кроме того, Махмуд Кашгари упоминает оба других названия Баласагуна: «Коз Орду» и «Коз Улуу». Первый из них в китайских источниках назван «Ху-се-во-лу-до». Баласагун был известен и под названием «Коз Балык», а в брошюре на тюркском языке, посвященной Ясави и святым караханидам и изданной в Ташкенте, представлен как Сарыг-Балык, каказан как «Токмак Ата». Основываясь на всем этом, мы совершенно ясно видим, что города Баласагун, Сарыг и Шу, расстояние между которыми китайцами и арабами определяется в 5–10 километров, представляют собой развалины Токмака, расположенного между Старым Токмаком и Новым Токмаком, расстояние между которыми составляет 17 километров и там найдено большое количество христианских надгробных камней, принадлежащих тюркам-сирийцам. Поэтому Бартольд еще в статье, опубликованной в 1892 году, поддерживает эту мысль и говорит о том, что он вынужден согласиться с мнением Григорьева, который еще в 1870-е годы «престол тюркского хакана» объединял с Баласагуном. Он повторяет ту же мысль и в исправленном варианте этой статьи, опубликованном позже на немецком языке, и в статье, подготовленной на основе этой же статьи и опубликованной в журнале «Туркит» (Т. I, С. 75–83) на турецком языке¹. И я предложил вниманию участников Конгресса свои исследования по этому вопросу, составленные таблицы и маршрутные листы. Кроме того, этими моими мыслями воспользовался один мой коллега-востоковед, который опубликовал перевод на английский язык книги Худуд аль-Алем.

У меня есть собственные исследования о месте расположения поблизости других городов, кроме Баласагуна, в том числе города Шельджи, а также о месте и повседневной жизни города «Кент», и они основаны на рукописях, хранящихся в библиотеках Стамбула и Коньи. Но я не стал упоминать о них, зная, что такие, как Садр-Махмуд не имеют ни веры, ни уважения к нашей собственной национальной мысли, ничему не доверяют, пока им не скажут, что «в книге такого-то и такого-то русского или европейского автора написано то-то и то-то». Я изложением результатов своего исследования не хотел лишиться раз подвергнуться унижениям, быть обвиненным во лжи и фальсификациях, поэтому и по поводу города «Кент» ограничился упоминанием одного русского (генерала Каульбарса).

8) Садр-Махмуд в своих ответах против мысли о том, что город Баласагун представляет собой город Токмак, обо мне приводит следующее предложение, взяв его в кавычки: «Баласагун то же самое, что Токмак, это разъяснено Бартольдом в его статье «Баласагун» в

¹ В турецком переводе статьи в названии «Alt Tokmak» слово «alt» понимается как часть названия города. Но в данном случае немецкое слово «alt» означает «старый» и «Alt Tokmak» не что иное, как «Иске Токмак», т. е. «Старый Токмак».

«У города имеются четверо ворот и ров. Рядом с городом есть поселок (касаба), там населения много. Рядом с городом протекает маленькая река...». Садр-бей такого рода переводом стремится показать, что город располагался не рядом с большой рекой Талас и не на ее берегу, а находился в другом месте, на берегу небольшой реки. Он тем самым пытается изобразить Талас в виде исчезнувшего города. Видите ли, река из-за своей малости должна быстро и бесследно исчезнуть вместе с городом под толщей песчаных барханов... в результате выдуманной «постоянно усиливающейся засухи».

7) Садр-бей, попытавшись с помощью нескольких «сомнительных» методов свести ко лжи мои слова о том, что древний город Баласагун находится не в местах, покрытых песком, а на плодородной долине Чу и представляет собою современный Токмак, старается представить все дело в смешном виде. Однако если раньше Бартольд в виде предположения высказался в том смысле, что, возможно, Баласагун находился на месте нынешнего Старого Токмака, то в последнее время это окончательно было установлено благодаря исследованному мною источнику. Один из них — таблицы Бируни по измерению долготы и широт земного шара, а другой — книга Махмуда Кашгари «Дивани лугат — ат-тюрк». Аль Бируни на этих своих таблицах место расположения Баласагуна и других соседних городов (Исфиджаб, Чагдал, Нукег, Кочкарбаши, Барсхан, Атбаш) на земном шаре тщательно определил по системе долготы и широт с точностью до минут и секунд. Я эти цифры перепроверил, сравнивая таблицы, сохранившиеся в виде различных старинных экземпляров, хранящихся в библиотеках Стамбула и Коньи. В данном случае особенно важны места расположения Кочкарбаши, который ныне называется Кочкарата и показан всего лишь на 20 градусов южнее, а также места расположения Таласа и Барсхана¹. А у Махмуда Кашгари переправа Зампи (Шамси) между нынешним Токмаком и Кочкарком, переправа на востоке Токмака Джуван Артык, скалы Кулбак (Ыссыгата), имеющие камни с высеченными записями, и местечко под названием Бакалыч, а также находящаяся недалеко от Баласагуна крепость «Шу» (развалины «Бурана»), и сегодня известные под тем же названием упоминаются как места, соседние с Баласагуном или находящиеся недалеко от него. Эти сведения совпадают со сведениями, полученными Аль — Бируни путем подсчета места расположения той или иной точки путем определения широты и долготы ее расположения на земле. Также указанное у арабов в фарсах расстояние до города «Тюркиш Хакана» и указанное в китайских источниках расстояние до соседних городов в «ли» «Фи-

¹ Комментарий, сделанный мною путем сравнения этих сведений в таблицах Аль Бируни, содержащиеся в различных экземплярах, приводится в моем труде «Al-Biruni's Weltbild und Gradentabelle» («Бируниева картина мира и таблицы градусов»).

Исламской энциклопедии». Однако я ни в своем выступлении, ни в своей записке по вопросу о Баласагуне в качестве источника не воспользовался Исламской энциклопедией. Это — одна из самых изощренных выдумок Садр-Махмуда, приготовленных для Конгресса специально.

9) Садр-бей, взяв из статьи Бартольда в энциклопедии, которую приписал мне как использованный мной источник, одну цитату на французском языке, которая должна поправиться тем, кто владеет французским, использовал на Конгрессе, говоря, якобы это предложение показывает, что местонахождение Баласагуна твердо не установлено. Однако Садр-бей и в данном случае повторил ту же уловку, которую использовал в связи с Таласом. То есть он опустил и оставил без внимания начальную часть мыслей Бартольда, которые не совпадали с мыслями Садр-бея. А там Бартольд, после того как сказал, что использование при определении того или иного места на земном шаре системы долготы и широт недостаточно, говорит: «Однако, если даже дело обстоит так, эта система достаточна для того, чтобы показать, что город Баласагун располагался на северо-востоке от Аулия Ата», и ведет речь о том, что этот город был одним из тех, которые по долине Чу принадлежали каракитаицам. Естественно, Садр-бей все эти слова, противоречащие его стремлению скрыть истинное положение дел, не стал упоминать. Сверх того, он не стал упоминать также слова Бартольда, содержащиеся в той же энциклопедии, в том же томе (С. 917) в статье «Чу», где говорится о расположении города Баласагун в долине этой реки.

Для Садр-бея самое важное заключается в следующем: как бы там ни было, этот город участникам Конгресса должен казаться никому не известным, который находился в какой-то никому не известной точке Средней Азии, и для усиления убедительности этого мнения он из труда Бартольда, который служил мне источником, приводит цитату на французском языке: «une ville de l'Asie centrale, dont on ne peut determiner exactement l'emplacement». А кто еще лишится раз взглянет на Исламскую энциклопедию, интересуясь, что следует после процитированного предложения и что еще содержится на других страницах этой книги? Садр-бей понимает дело таким образом и во всех этих своих выступлениях следует такому образу мышления. Почему же Бартольд в этой статье о Баласагуне упоминает лишь в связи с проблемой установления на земной поверхности места расположения Таласа — Аулия Ата с помощью системы определения долготы и широты? Так как он, как и другие серьезные и честные исследователи, осторожен в своих высказываниях, Бартольд, в отличие от Садр-Махмуда, не будет заниматься переносом городов, находящихся на Ысыккуле и на Тянь-Шане, за сотни или тысячи километров на безлюдные песчаные пустыни только лишь для того, чтобы использовать их в качестве аргументов в пользу наступления засухи.

Когда Бартольд писал свою статью, о способе Аль Бируни определять на земной поверхности долготу и широту той или иной географической

ческой точки было известно лишь из одного перевода Абдул Фидала. Там в качестве городов, близких Баласагуну, показаны цифры долготы и широты расположения на земной поверхности только городов Талас и Шельджи. Бартольд в то время еще не видел основной экземпляры произведения Аль Бируни, где указаны цифры, показывающие «долготы и широты» места расположения городов, расположенных южнее и восточнее Баласагуна. Не видел еще он тогда и труд Махмута Кашгари. Несмотря на это он мысль о нахождении Баласагуна по реке Чу, о соответствии Старого Токмака развалинам Бурана и Акпешин защищает и в тех своих произведениях, которые вышли после опубликования им статьи о христианстве в Средней Азии (например, «Отчет», С. 39). А в лекциях своих (С. 72) он еще более тщательно рассматривает вопрос о совпадении Шу рядом с Баласагуном с Бураной в Старом Токмаке. О том, что сведения об этих городах в таблицах Аль Бируни впервые увидел в 1929 году по моим публикациям под названием «Труды Аль Бируни» в «Matbaai Amir'e», он мне в то время написал сам.

10) Напоследок Садри бей, сказав, что «в труде Бартольда «Отчет» нет ничего, напоминающего утверждение, будто Баласагун и город Токмак — одно и то же», хочет сказать, что и данная книга была использована мною в качестве источника. И это также явно противоречит истинному положению дел. Во-первых, я это произведение нигде не использовал в качестве источника по вопросу о Баласагуна. Во-вторых, в этом труде на вышеупомянутой странице 39 содержится буквально следующие предложения: «То, что Бурана и Баласагун — одно и то же, мною было высказано лишь как вероятность. В пользу этого мнения нет какого-либо серьезного аргумента, но невозможно также доказать его ошибочность... Если Баласагун здесь будет найден, для этого Акпешин очень кстати. А Бурана может составлять окраинную часть города (то есть города Баласагун)». Эти упомянутые Акпешин и Бурана — названия развалин большого Токмака, той или иной группы курганов. А слова Садри Максуди ничто иное, как маневры перед участниками Конгресса.

11) А также и о местонахождении города Суяб Садри Максуди сказал: «Бартольд и о Суябе ничего определенного не говорит» и тем самым хочет сказать, что я и по поводу этого города в качестве источника воспользовался Бартольдом. Между тем по поводу этого города я нигде не пользовался в качестве источника трудами Бартольда. Как видно по книгам «Ана Хатларини» и «Тарих», город Суяб у Chavannes'a несколько раз упоминается в объединенном виде с Токмаком. Я же ограничился тем, что упомянул что этот город располагался севернее Баласагуна и реки Чу. Эти мои слова основаны на сравнении сведений о престоле тюркского хакана, содержащихся в истории династии Танг, со сведениями, содержащимися в источниках Кудама, Гардизи и Худуд аль-Алем. Подробные сведения обо всем этом содержатся в третьем

150

Кашгари оставил еще более подробные сведения. Гардизи и Махмут Кашгари говорят о переправе «Яггу» рядом с Барсханом. Эта переправа и ныне существует под тем же названием (по киргизскому произношению — «Яггы»). Махмут Кашгари и китайские источники свидетельствуют о том, что здесь существовал город под названием Яггу. Его развалины вместе с найденными на поверхности земли надписями на камне, принадлежавшими сирийским тюркам-христианам, были опубликованы Кокочевым в Петербурге в 1913 году. То, что Барсхан является сегодняшним Барскауном, — истина, которая не оставляет места никакой лжи и демагогии.

13) В связи с Барсханом я ссылаюсь на две работы Бартольда: одна — «Христианство», другая — Исламская энциклопедия. В этой энциклопедии (Т. 2, С. 593) в статье «Ысыккуль» предложения, характеризующие Барсхан в качестве торгового центра на берегу этого озера, как не соответствующие целям Садри-бея, были оставлены им без внимания.

14) Сведения, содержащиеся в книге Бартольда и в его статье «Христианство», на которые я ссылаюсь, на Конгрессе Садри-бей изложил, в корне извратив. Он говорит, будто Бартольд в этих двух книгах не соглашается с мнением Томашека о том, что древний Барсхан представляет собою сегодняшний Барскаун. Это в корне противоречит истинному положению. Бартольд в упомянутой книге «Отчет» (С. 32) пишет: «Мнение Томашека о последнем городе (то есть Барсхане), несмотря на наши с Петровским возражения, скорее всего правильно или, во всяком случае, кажется, близко к истине. Несомненно, этот город находился на берегу Ысыккуль, а не в восточном Туркестане... Придется ли название города читать как Барсхан и располагать этот город рядом с переправой Барскаун? Несмотря на то, что этот вопрос пока остается спорным, в пользу этого мнения служит то обстоятельство, что в нескольких рукописных источниках название города пишется *Bersagan*». А Садри-бей (Протоколы, С. 394) хотя как будто буквально переводит текст из той же 32 страницы того же источника «Отчет», взяв цитату в кавычки, однако опускает предложения, которые мы выше привели, и к тому же, обращаясь к Конгрессу, выносит приговор: «Как видите, бей, и в данном случае мнение Заки Валиди-бея не имеет оснований, так как ни в указанной им книге, ни в «Отчете» не содержится ни одной мысли, подтверждающей его мысль. Следовательно, Заки Валиди-бей и в данном случае воспользовался аргументами, не соответствующими истине».

Разъяснения Бартольда, содержащиеся в I томе, на 74 странице журнала «Туркият», на которого я ссылаюсь, заключаются в следующем: «По поводу Барсхан — Нушаган Томашек давал предпочтение чтению как Барсхан и объединял с названием одной из рек, берущих начало в Нарыне. И горный перевал, находящийся в том же районе, носит это же название. Эта мысль Томашека ныне подтвердилась

152

томе моего труда «Историческая география Туркестана». Слова Садри-бея, будто «Бартольд в упомянутой книге «Отчет» ограничился тем, что город Суяб находился по реке Чу, которая растянулась на сотни километров» — не что иное, как очередная ложь. Словами «которая растянулась на сотни километров» Садри-бей, желая и этот город оставить под толщей песков, видимо, ищет какую-либо возможность «перенести» его на песчаные пустыни Багдак и Муйин на нижнем течении Чу, то есть он желает «снять» этот город из плодородных мест реки Чу и перенести на несколько сот километров западнее. Однако Бартольд в упомянутом своем труде на 30–32 страницах, указанных Садри-беем, месторасположение города Суяб ищет «на верхнем течении реки Чу», в окрестностях местности Карабулак, находящейся южнее переправ Кёк Муйнак и Кастек, расположенных западнее от переправы Буам. В опубликованном позже труде «История Семиречья» и в статье «Христианство в Средней Азии» (журнал «Туркият», I, 76) он еще пристальнее рассматривает эту проблему и говорит о том, что если раньше Суяб находился с южной стороны реки Чу, то после разрушения китайцами в 758 году он был перемещен на северную сторону (правый берег) реки и был заново отстроен «прямо на юге» переправы Кастек (то есть у подножья горы, находящейся рядом с упомянутыми в «Отчете» населенными пунктами Карабулак и Каракундуз), и с этим мнением согласились и другие ученые (например, Масальский, Туркестан, С. 362). И я, говоря «Суяб находится на северной стороне реки Чу», соглашаюсь с этой мыслью, так как сведения китайского источника, утверждающего, что этот город находится на расстоянии около десяти километров севернее реки Чу на одной горе, а также свидетельство Худуд аль-Алема, указывающего, что этот город находится в стране тюрков Тухси (на севере города Чу), и слова Гардизи, сказавшего, что этот город расположен «около одной горы» (Бартольд, «Отчет», С. 102, 126) и маршрут Кудама — вполне соответствуют друг другу. Следовательно, попытка Садри-бея, опираясь на Бартольда, показать этот город в какой-то никому не известной точке, неизвестно, на какой стороне реки Чу, протяженностью в несколько сот километров, одна из его выдумок, призванная всего лишь запутать участников Конгресса.

12) О городе Барсхане, одном из городов, по мнению Садри-бея, подвергшихся засухе и оставшихся под песками, я говорил в своем выступлении и объяснял, что этот город находится далеко от песчаных пустынь, на берегу озера Ысыккуль в горах Тянь-Шань и там есть река Барскаун, которая носит название упомянутого города. Садри и эти мои слова напрасно пытался представить ложными. Нахождение Барсхана на берегу озера Ысыккуль объяснено в трудах Ибн аль-Факиха, Неджиба Буркана, в Худуд аль-Алема, а то, что город расположен на юго-восточном берегу озера, написано у Гардизи (публикация Бартольда, С. 89–90) и у Аль Бируни. Аль Бируни долготу и широту месторасположения города указал с точностью до минут и секунд, а Махмут

151

словосочетанием из народной речи, сообщенным иранским автором Гардизи: ... (текст, написанный арабским шрифтом). Садри-бей заключил в кавычки и слова, взятые им из 74 страницы журнала «Туркият» (Протоколы, С. 394), и, пытаясь утвердить мысль, прямо противоположную авторской, предложения, подчеркнутые нами, вовсе опустил и вдобавок, обращаясь к Конгрессу, сказал: «Бей, на указанной странице о Барсхане есть только это предложение», и приводит лишь те слова из вышеприведенной нами цитаты, которые не подчеркнуты, и добавляет, что якобы «в указанном источнике сведения о Барсхане исчерпываются этими словами. Действительно, Томашек проводит мысль о расположении Барсхана на том месте, которое ныне называется Барскаун, но Бартольд не согласился с этим мнением».

Ввиду того, что в арабских источниках название этого города арабским шрифтом пишется без точек над буквами и происходит частое смешение некоторых иных букв, название читалось как «Нушеджан», или «Барсхан». Поэтому такие ученые, как Де Гоэе это слово читали вслед за Якутом Хамави как Нушеджан, и такое чтение некоторыми востоковедами было принято. А Томашек, принимая во внимание, что в нескольких книгах ясно видно, что это название следует читать как «Барсхан» и на юго-востоке Ысыккуль до сегодняшнего дня существуют река и переправа, носящие название Барскаун, первым выдвинул мысль о том, что название города следует читать как «Барсхан». Позже это мнение Бартольд принял вначале с некоторым сомнением, а затем и безоговорочно. Правильное произношение слова «Барсхан», являющегося названием тюркского города и племени, твердо было установлено на основе трудов Аль Бируни, Махмута Кашгари и китайских источников. Махмут Кашгари несколько раз упоминает город под названием «Барсхан» и вдобавок приводит поговорку, где слово «Барсхан» рифмовано со словом «сакызган». А в китайских источниках (например, Hiyakinth, I, 356) это название написано «Басайган» и «Барсак-кан». Таким образом, после окончательного устранения старых сомнений в произношении названия города Бартольд в статье «Христианство» (журнал «Туркият», 76) пишет: «Барсхан находился на юго-восточном берегу Ысыккуль, а в лекциях, прочитанных в Стамбуле (С. 84), отметил: «Месторасположение Барсхана было давно установлено». А Садри-бей, после того, как извратил слова Бартольда перед всем миром и попытка приспособить их к собственным притязаниям, переместив участниками Конгресса сделал вывод: «Бартольд не принял мысль Томашека». Если бы Бартольд не принял мысль Томашека о том, что название этого города должно читаться как «Барсхан», то почему он тогда не называет город «Нушеджан», именем, примененным другими учеными до уточнения Томашека, а использует имя, которое, якобы, отвергает — «Барсхан»? Если такое прочтение названия отвергнуто, то почему Садри-бей сам этот город называет именем, взятым из сегодняшнего названия реки и переправы?

153

Бартольд в I томе Westasiatischen Studien (стр. 167) сказал: «Мысль Томашека о том, что название города следует читать не «Нушеджан», а «Барсхан», нашла твердое подтверждение на основе сведений, содержащихся у Гардизи (entgültig sichergestellt)». Как же сумеет Садри-бей изменить и извратить это предложение?»

15) О городе Атбаш я говорил, что «город Атбаш располагался на высоком месте горы Тянь-Шань, на кочевьях, носивших то же название, месторасположение указано у Бартольда» и упомянул два произведения Бартольда. Действительно, Бартольд в своем вышеупомянутом труде «Отчет» написал, что развалины этого древнего города находились в нескольких километрах от деревни, которая и сейчас называется Атбаш и представляет собою курганы, известные под названием Шаш-туба (Кошай-курган), находящиеся на левом берегу реки Атбаш. Садри бей, после извращения мысли Бартольда, содержащихся на 41–43 страницах, на которые я ссылался, обратился к Конгрессу со словами: «Вы видите, и здесь нет сведений, на которые мог бы опереться Заки Валиди-бей. Наоборот, ясно сказано, что древний Атбаш не находился там, где находится нынешний Атбаш. И в данном случае Заки Валиди-бей сделал ссылку, противоречащую истине». Однако я в выступлении и записке не говорил и не писал, что «древний Атбаш находился на том же месте, что и нынешняя деревня Атбаш», а говорил лишь то, что древний город «находился на плоскогорьях, носивших то же самое название». Эти плоскогорья находятся на севере отрогов Тянь-Шаня, носивших то же самое название – Атбаш, и тянутся на 40–50 километров вдоль реки Атбаш. Чтобы не затягивать свою речь, я не стал останавливаться на вопросе, какие развалины и курганы на этих плоскогорьях относятся к древнему городу. Бартольд в своем труде на страницах, на которые я ссылался, а Садри-бей упоминал, после слов: «Сегодняшний Атбаш не одно и то же с средневековым Атбашем, но в нескольких километрах от нынешнего Атбаш, на левом берегу реки есть курган Шаш-Туба... его киргизы называют Кушай-Курган» продолжает: «По нашему мнению... Кушай-Курган, несомненно, расположен на месте древнего Атбаша» и обосновывает это, опираясь на историю Тимура Шарафедина Езди и на подробную информацию, приведенную в произведении Мухаммеда Хайдара «Тарих-и Рашиди». А Садри Максуди из сказанного Бартольдом исключил все, что следует после подчеркнутого нами слова «но» и предложил Конгрессу тот «приговор», который нами был приведен выше.

В итоге: Бартольд доказал, что средневековый город Атбаш находился на плоскогорьях Атбаш, на расстоянии нескольких километров от современного села Атбаш и представляет собою развалины на левом берегу реки Атбаш. Позже Пантусов, хорошо знавший Семиреченские археологические памятники, в 1901 году, после ознакомления и изучения этих развалин, еще раз доказал, что древний Атбаш находился на указанном Бартольдом месте, вблизи современной деревни

154

в свет книги Бретшнейдера. А железная дорога Турксиб была открыта лишь в 1928 году Советами. Каким образом я мог бы писать, что эта дорога упоминается в труде, изданном в 1881 году?

18) В этом плане Садри-бей, ведя речь о Бретшнейдере, в свою пользу изменив предложение «Evidently situated on the Ile river», переводит: «...возможно, находился около реки Иле», однако следовало бы перевести: «...во всяком случае (или «как ясно видно») находился по реке Иле». Даже если это и не имеет большого значения, но изменение предложенный таким способом – один из стрихов, показывающих демагогическую систему Садри-бея.

19) И о городе Алмалык я сообщил Конгрессу то, что он находился западнее нынешнего города Кульджа, около станции Хорез; вблизи могилы Туглук Тимурхана, и в своих записках, не приводя об этом подробных сведений, ограничился ссылкой на труд востоковеда Пантусова. Этот ученый развалины города исследовал сам и результаты вместе с рисунками опубликовал в 1913 году в журнале «Кауфманский сборник». Экземпляр издания имеется в Стамбуле в библиотеке института «Туркият». Местонахождение города еще раньше изучал Бартольд (1894), посетив его, и он ведет речь об этом на 64–65 страницах той же книги «Отчет». Хотя Садри-бей постоянно упоминает об этой книге, но те места, где речь идет о городе Алмалык, не упоминает, обходит стороной, так как они не соответствуют его интересам, и ссылается на труд Бретшнейдера, изданного в 1888 году, то есть тогда, когда местонахождение города еще не было установлено, и упоминает его слова о том, что Алмалык «находился по дороге от Монголистана в Иран, где-то близко к Кульдже». Позже, обращаясь к тому же Конгрессу, говорит: «Видите, бей, местонахождение города Алмалык до сих пор неизвестно. Мысли Заки Валиди бея по этому поводу бесосновательны» и пытается и меня причислить к тем, кто по вопросу о расположении города Алмалык в качестве источника пользуется трудом Бретшнейдера. Но я никогда по этой проблеме в качестве источника не пользовался трудами Бретшнейдера.

20) С другой стороны, Садри-бей, стремясь показать, что местонахождение этого города неизвестно, делает очередную маневр, объясняя выражение Бретшнейдера, что город «находился на дороге Иран – Монголистан», с артистическим видом продолжает: «Бей, дорога, идущая от Монголистана в Иран, чрезвычайно длинная». То есть подразумевает, что город Алмалык по Бретшнейдеру находится в какой-то неизвестной точке дороги, протянувшейся на тысячи километров от Монголистана до Ирана. Однако Бретшнейдер не ограничивается словами, что Алмалык «находился недалеко от Кульджи», упоминает также слова русского профессора Захарова, выполнявшего в Кульдже обязанности консула, и указывает, что Алмалык располагался в шести километрах от Сундана, находившегося рядом с Кульджей (Т. I. С. 60). Разумеется, из-за того, что эти слова непригодны целям Садри-бея, он

156

Атбаш, в сорока километрах от города Наринск, по дороге, идущей в Кашгар (Изв. Археол. Ком., XII, 65–72).

16) И о городе Илебалык, о том, что он также не находится под песками, я сказал следующее: «Этот город упоминается у Бретшнейдера, он расположен на правом берегу реки Иле, недалеко от русского города Джангильдинск, находящегося близко к современной железной дороге Турксиб». Так указано на 70 странице в вышеупомянутой книге Бартольда «Отчет». В выступлении на Конгрессе я сослался на исследование казахского историка (инженера) Мухаметажана Тынышпаева, изданное в 1925 году в издательстве Киргизского научного общества в Оренбурге, а также на один источник на уйгурском языке, опубликованный Ф.В.К. Мюллером. Причина моего упоминания Бретшнейдера по поводу этого города заключается в том, что месторасположение этого города указано в карте 1331 года и в Хайтуне, опубликованной в книге этого ученого. Хотя этот ученый местонахождение данного города указывает на правом берегу реки Иле, упоминая русский городок Илийский, расположенный южнее упомянутого мной Джангильдинска, я его труд не указал как источник, ограничился тем, что сказал: «Он упомянул», и высказал о месте нахождения города собственные соображения. И эта моя мысль, как я уже сказал выше, совпадает с мнением Бартольда. А Садри-бей делает вид, как будто он не заметил слова Бартольда об этом вопросе, содержащиеся в его книге «Отчет», и то, что там упоминается и мнение Бретшнейдера. И это при том, что Садри бей данную книгу использовал неоднократно. Извращая мои слова, он ведет речь о том, что я якобы по поводу города Джангильдинска источником указал Бретшнейдера. После этого, упомянув и слова Бретшнейдера «в несколько измененном виде», обращается к Конгрессу: «Бей, видите, и в данном случае Заки Валиди сделал ложную ссылку, в труде Бретшнейдера, указанном в виде источника, нет ни одного предложения о нахождении города Илебалык рядом с русским городом под названием Джангильдинск».

17) Садри-бей, не ограничившись тем, будто я по поводу городка Джангильдинск указываю труд Бретшнейдера в качестве источника, приводит мои слова, еще раз их извратив: я никогда не говорил, что «Илебалык был найден вблизи русского городка под названием Джангильдинск», а только сказал, что месторасположение Илебалыка соответствует тому месту, где ныне находится Джангильдинск. Места вокруг нынешнего Джангильдинска, городок Илийский и махалля Алтын Эмел – все это одна и та же местность, то есть, как я уже сказал, место, где железная дорога Турксиб (Туркестан – Сибирь) выходит на правый берег реки Иле. Поэтому мы можем говорить, что место расположения Илебалыка соответствует этим трем местностям, ныне известным по названиям городов Илийский, Джангильдинск и махалля Алтын Эмел. Я не мог бы говорить о городке Джангильдинск и Турксибе, ссылаясь на Бретшнейдера, так как они появились после выхода

155

не говорит о них, а при помощи слов «на дороге Монголистан – Иран» перед взором участников Конгресса напускает дым и туман.

21) Садри-бей также старался показать, будто я и по поводу местонахождения города Нузкет, которое совпадает с местом современного русского городка Беловодск, пользовался в качестве источника упомянутой книгой Бартольда «Отчет». Однако я этот труд по поводу данного города не использовал ни в выступлении, ни в записках. Труд Бартольда, который я указал как источник, – это то, что опубликовано на турецком языке в журнале «Туркият» (Т. I, стр. 73–75). Там буквально сказано следующее: «Что касается места Нузкета, то оно совпадает с местом Беловодска (Аксу)». Садри Максуди ничего не говорит о труде, на который я сделал ссылку, а для отвода глаз ссылается на другой труд Бартольда, где он дискутирует с одним русским по фамилии Петровский.

Использование в своих интересах слов авторов, будь то мои слова или иных авторов, предварительно извратив их смысл, представляет собой сущий пустяк. Но для самого Садри Максуди, видимо, это служило средством, используемым для «очень тонкого» сведения счетов со своими оппонентами. Например, вместо перевода слов Бартольда на 392 странице «Неизвестно, который из них новый и названия других также неизвестны» он их переводит: «Невозможно выяснить, который из них Новый Талас и каковы были названия других». Я в своей записке сказал, что «места разрушенных также известны», а Садри бей эти слова излагает, что у них «есть развалины». О местонахождении города Суяб я написал, что оно «найден», а Садри-бей выразился «найденся». Статью Бартольда «Христианство в Средней Азии», опубликованную в журнале «Туркият», он показывает как труд, якобы написанный им раньше труда «Отчет». Не ясно то, что эта статья через пять лет после выхода в свет книги «Отчет» с исправлениями и комментариями автора на немецком языке приобретает свойство совершенно нового произведения. Данная статья, опубликованная в журнале «Туркият», как написано на 48 странице, была подготовлена путем перевода с немецкого языка. Разумеется, Садри-бей прочитал все это. Однако он считает, что его демагогическим целям больше соответствует оставление мыслей, высказанных ученым в статье «Христианство в Средней Азии», на том уровне, на каком они были выражены раньше и поэтому он извращает картину, то есть ведет речь на основе раннего варианта труда, написанного на русском языке. Все эти хитрости и уловки представляют собою мелкие дела, но Садри-бей хорошо понимает, какое воздействие он сумеет оказать на участников Конгресса, собрав всю эту мелочь воедино. Садри-бей, думается, знает, что серьезное изучение средневекового периода восточного и западного Туркестана произошло преимущественно в двадцатом веке, особенно в последние годы, но тем не менее, ссылаясь на труды таких ученых XIX века, как Говорт, Петровский, старается запутывать все эти вопросы, показать, будто история городов – никем серьезно не изученная

157

неизвестность. Труд Говорта (первый том вышел еще в 1876 году) не имеет никакого значения в сфере исторической географии, и это известно по критическим отзывам, опубликованным сразу после выхода в свет этого труда. Бартольд также было хорошо известно, что Петровский был невежественным русским чиновником, который вставлял в малоизвестные ему вопросы, опираясь на труд Спренера, изданный еще в 1865 году. Это видно и из критических заметок в газете «Туркестанские ведомости», напечатанных в то же время, и труды Петровского никогда никем не упоминались в качестве источников.

На Конгрессе Садри Максуди в системе своих маневров использовал такого рода темные способы.

С другой стороны, Садри бей, подменяя основную проблему с тонкими вопросами о том, где располагались такие-то и такие-то города и какие развалины этих городов каким из сегодняшних развалин и курганов соответствуют, или же, смешивая все эти вопросы с теми или иными спорами вокруг основной проблемы, старается окончательно все запутать. Но основная проблема ни в коем случае не заключается во всех этих частности. Мой анализ упоминаемых на 410–411 страницах книги «Ана Хатлары» «семнадцати занесенных песком городов», ставших предметом рассмотрения в моей записке, приведен в качестве аргумента против следующей мысли: «Становится ясно, что в течение последнего тысячелетия в Средней Азии наступление песков продолжается во все больше убыстряющемся темпе». После списка этих городов там добавлены следующие слова: «Сегодня на месте всех этих городов, когда-то бывших центром великой тюркской культуры, нет ничего, кроме песка и ветров». То есть в то время Садри Максуди в труде, упомянутом в моей записке, написал именно так. А на Конгрессе, делая вид, что историческая география этих городов якобы ему давно известна, в основном подробно рассуждал о книгах, упомянутых в моей записке. Если ему уже в момент предоставления в книгу «Ана Хатлары» своей полной ошибкой статьи было известно, где находятся города Отрар, Кент, Новый Кент, Сыгнак, то зачем он использовал их для доказательства того, что в течение последнего тысячелетия в Туркестане постоянно усиливается наступление засухи и песчаных барханов и почему эти города зачисляются в ряды памятников культуры, исчезнувших в непрерывно расширяющихся пустынях и песчаных степях? Одно несомненно: Садри Максуди, когда предоставлял издателям книги список упомянутых городов, не знал, что эти семнадцать городов располагались в плодородных землях по рекам Сырдарья, Талас, Чу, Или, так как он, хотя и пишет в своей книге «За турецкий язык» (Т. 3), будто путешествовал «в киргизских степях три раза», не путешествовал там ни разу¹.

¹ Каждый путник и каждый чемодан, проезжавший через станции Актюбинск и Казали, преимущественно ночью, по железной дороге Самара – Ташкент, не может считаться совершившим научную экспедицию в Казахстан.

мы остались закрытыми в своих комнатах, и я под грохот артиллерийской стрельбы и ружейных выстрелов написал эти строки.

Если бы Садри-бей написал конфиденциальное письмо на имя Исторического сообщества и по-дружески объяснил и поправил свои ошибки о городах, якобы оставшихся под песком, содержащиеся в его текстах, предоставленных для опубликования в книге «Ана Хатлары», вопрос был бы исчерпан и давно забыт. Для нравственных людей исправление собственных ошибок – всегда дело приятное. Но Садри-бей этого не сделал, упорствовал. Эти же свои мысли опубликовал также в книге «Тарих» и таким образом проблему раздул еще больше. Но каким образом у него хватило смелости так раздувать собственное упрямство, вводить в заблуждение важный турецкий исторический Конгресс, заниматься над книгами и источниками как мясник? Чтобы понять это, надо знать каков его жизненный путь, какова его сущность. Эта подлинная правда не совпадает с той «информацией» о нем, которую он сам и в устной, и в письменной форме предоставляет журналистам в Финляндии, Париже и Турции. Относящиеся ко всему этому бумаги у меня в руках имеются в достаточном количестве. Но мы этим пока не намерены заниматься. А все другое вручаем на волю Аллаха.

12–18 февраля, 1934.

P.S. Мой адрес для тех, кто желает задать тот или иной вопрос по кругу проблем, о которых идет речь в данном ответе: Проф. А.-З. Валиди. Музеумштрассе, 7, Вена, VII, Австрия.

и он не изучал труды ни об этих землях, ни о географии и археологии Семиречья. К этому времени автором не была прочитана, несомненно, и книга Бартольда «Отчет», которая на 410 странице книги «Ана Хатлары» упоминается как источник по вопросам «городов, оставшихся под песком». Иначе каким образом названные в этом труде города, развалины которых (а также те, которые продолжают существовать под другими названиями) находятся на западных отрогах Тянь-Шаня или около Биссыкуля и Нарына, на высокогорьях, могли быть перемещены на бесплодные и все расширяющиеся песчаные пустыни? В своих записках я повторил, что эти города находятся далеко от бесплодных песчаных пустынь, повторил свои слова о каждой группе городов, так как цель заключалась в этом, а не в том, чтобы обсуждать с Садри Максуди тонкие вопросы исторической географии. Я такого рода вопросы не обсуждаю в форме спора с тем или иным господином и «идель-уральцем», а предпочитая разъяснять в качестве научной проблемы, основываясь на научных аргументах и моих собственных исследованиях. И действительно, в этом духе и написал свою записку. Во-первых, у меня есть четырехтомное исследование «Историческая география Туркестана», его третий том посвящен Казахстану и области западного Тянь-Шаня. Кроме того, я завершил свой труд, объявленный в первом томе журнала «Туркия» – «Географические названия у Махмута Кашгари». Я надеюсь, что в будущем смогу опубликовать эти труды, а также сумею вопрос о семнадцати городах, упомянутых на Конгрессе, прояснить перед турецкими читателями в позитивной форме. И эти свои надежды я разъяснил тотчас после возвращения из Анкарского Конгресса, 18 июля, в своих интервью стамбульским газетам. На самом деле, если бы я уже в ходе Конгресса, после прослушивания всей этой ужасающей лжи Садри бей, повернувшись к высоким локам, обратился бы: «Великий Газн («Победитель», одна из форм обращения к Кемало Ататюрку), требую справедливости!», разумеется, мне бы он предоставил слово. Однако, взяв слово, что бы я мог сделать? Объяснял бы историю вопроса об «Идель-Урале»? Если бы стал отнимать драгоценное время Конгресса объяснением того, как Садри с книгами и источниками обращается недобросовестно, словно мясник с мясом, то не показал бы и я также неуважение к участникам Конгресса, как это сделал тот же Садри Максуди? И сегодня у меня и в мыслях не было когда-либо возвращаться к этому вопросу и терять на этом хотя бы пять минут времени. Однако, прочитав статьи Ахмета Мугипа, депутата Шерефа в газете «Хакимети Миллие» и увидев, что стараются еще раз очернить меня как «фальсификатора в маске», я с сожалением понял: дальнейшее молчание означает дать основание этим людям считать меня беззащитным и ничемным человеком.

В дальнейшем я решил поставить предел подобного рода обвинениям. В данный момент появилась одна возможность: вот уже четыре дня на улицах Вены происходят гражданские столкновения, из-за чего

А.-З. Валиди Тоған, Г. Таған, А. Инан.
Буданеит. 15 мая 1925 г.

А.-З. Валиди Тоған и Г. Таған

Г. Тоган и А.-З. Валидин Тоган.
1939 год

А.-З. Валидин Тоган и Г. Тоган среди венгерских друзей

А.-З. Валидин Тоган и Г. Тоган с венгерскими друзьями во время сенокоса